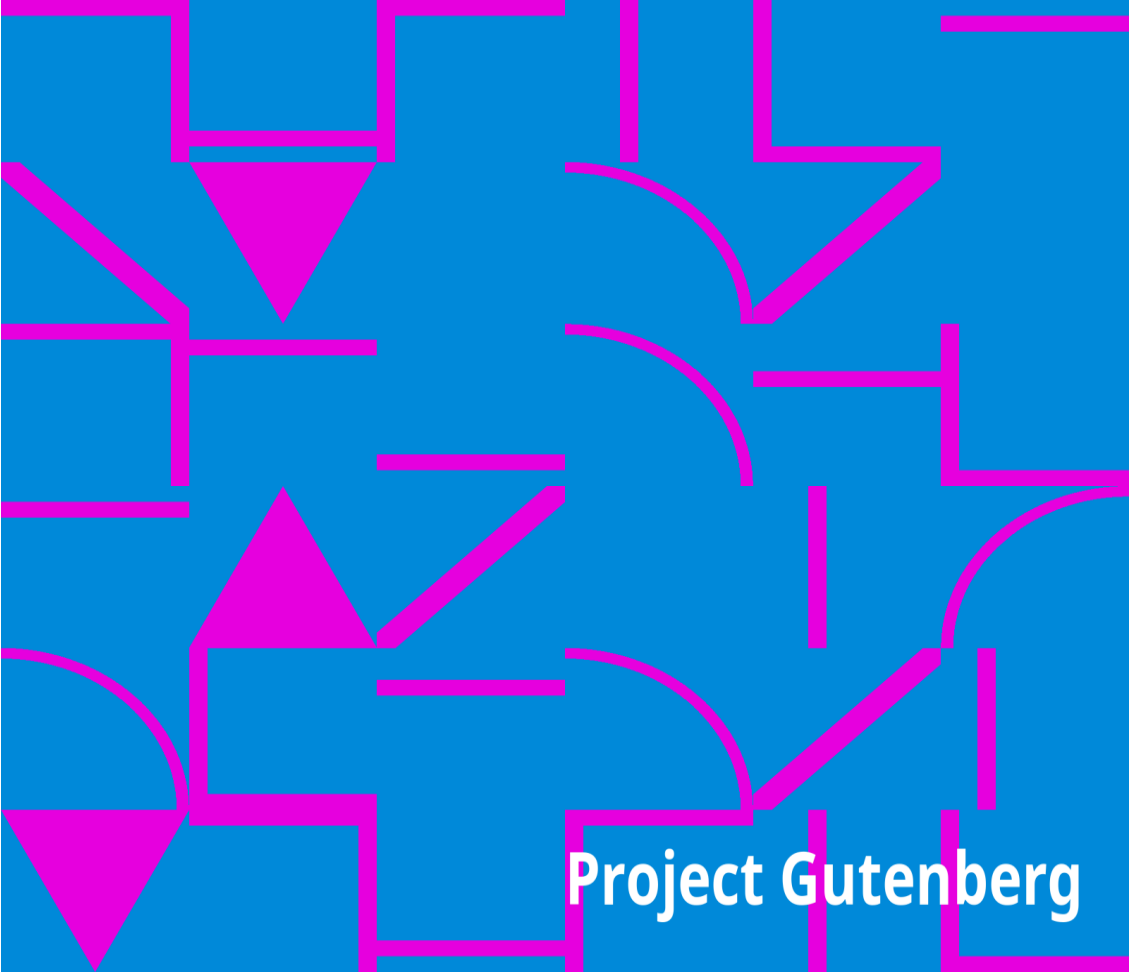

Проблемы перикловых зданий
Г. В. Элдеркин

Problems in Periclean Buildings

G. W. Elderkin

An abstract geometric pattern consisting of various blue and yellow shapes, including triangles, squares, and circles, arranged in a complex, interlocking design.

Project Gutenberg

Содержание

[ПРОБЛЕМЫ В ЗДАНИЯХ ПЕРИКЛА](#)

[I ЗНАЧЕНИЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ПРОПИЛАЕВ](#)

[II КАРИАТИДНЫЙ ПОРТИК ЭРЕКТЕЯ](#)

[III ЭРЕХТЕЙОН В ТОМ ВИДЕ, В КАКОМ ОН БЫЛ ПОСТРОЕН](#)

[IV ЭРЕКТЕЙМ, КАК БЫЛ ЗАПЛАНИРОВАН](#)

[СНОСКИ:](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга «Проблемы в зданиях Перикла»

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Проблемы в зданиях Перикла

Автор: Г. В. Элдеркин

Дата выпуска: 24 августа 2011 г. [электронная книга № 37197]
Последнее обновление: 25 января 2021 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Чаком Грейфом, библиотекой округа Бровард, Стивеном Роуландом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ПРОБЛЕМЫ В ЗДАНИЯХ ПЕРИКЛА ***

ПРОБЛЕМЫ В ЗДАНИЯХ ПЕРИКЛА

МОНОГРАФИИ ПРИНСТОНА ПО ИСКУССТВУ И АРХЕОЛОГИИ II

ПРОБЛЕМЫ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПЕРИКЛЕЯ

АВТОР: Г. В. ЭЛДЕРКИН, ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК

АССИСТЕНТ-ПРОФЕССОР, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИСКУССТВА И АРХЕОЛОГИИ,
ПРИНСТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИНСТОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРИНСТОН
ЛОНДОН: HENRY FROWDE
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1912**

Авторские права, 1912, принадлежат Издательству Принстонского университета
для Соединенных Штатов Америки.

—
Напечатано Princeton University Press,
Принстон, Нью-Джерси, США.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЗНАЧЕНИЕ НЕРЕГУЛЯРНОСТИ ПРОПИЛЕЕВ	1
II. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАРИАТИДНОГО ПОРТИКА	13
III. ЭРЕХТЕЙОН В ТОМ ВИДЕ, В КАКОМ ОН БЫЛ ПОСТРОЕН	19
IV. ЭРЕХТЕЙОН В ПРОЕКТЕ	49

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- [1. Восточное окно Пинакотеки.](#)
- [2. Пинакотека, вид с основания бастиона храма Бескрылой Победы.](#)
- [3. Пинакотека, вид с точки, расположенной около оси центрального портала.](#)
- [4. План Пропилей с зигзагообразной подъемной дорогой.](#)
- [5. Сцена на архаической амфоре.](#)
- [6. Северный конец западного внутреннего фундамента Эрехтеона. Вид с востока.](#)
- [7. План Эрехтеона в том виде, в каком он был построен.](#)
- [8. Северная сторона двери в западной стене.](#)
- [9. Северная стена в месте соединения с восточной поперечной стеной.](#)
- [10. Выемка в мраморном блоке в северо-восточном углу восточной кельи ниже предполагаемого уровня пола.](#)
- [11. Внутренний северо-западный угол храма.](#)
- [12. Первоначальный план Эрехтеона.](#)

ЗНАЧЕНИЕ НЕРАВНОМЕРНОСТИ ПРОПИЛАЕВ

Неправильное расположение двери и окон северо-западного крыла Пропилей давно было замечено, хотя никаких объяснений этому явлению не было предложено. Бон, *Die Propylaeen der Akropolis zu Athen*, стр. 23, говорит о южной стене этого крыла: «Стена, отделяющая зал от собственно комнаты, пробита дверью и двумя окнами. Erstere liegt jedoch nicht in der Mitte, die letzteren wiederum unsymmetrisch zu ihr. Irgend einen Grund, irgend eine axiale Beziehung zu den Säulen vermochte ich in dieser abweichenden Anordnung nicht zu finden.» С другой стороны, восточная стена Эрехтеона (А. J. А., 1906, Pl. 8) была пробита центральной дверью и двумя окнами, расположенными на равном расстоянии от нее. То, что такая симметричная компоновка присутствует в Эрехтеоне, а не в построенных примерно в то же время Пропилеях, вполне справедливо вызывает удивление. Цель данного исследования — попытаться объяснить нерегулярность в последних.

Первый факт, который следует отметить в отношении фасада Пинакотеки, лаконично сформулирован Боном (op. cit., p. 23): «Die Stellung der Säulen bestimmt sich dadurch dass die Tangente an die Westseite der östlichsten genau in die entsprechende Flucht der Hexastylstützen fällt.» Положение анты на восточном конце меньшей колоннады также определяется требованием, чтобы она стояла непосредственно под триглифом. Эта анта, в свою очередь, определяла положение восточного окна, поскольку западная сторона анты и окна находятся на равном расстоянии от восточной стены Пинакотеки (рис. 1). Это совпадение вряд ли может быть случайным. Если положение восточного окна было таким образом определено с учетом внешнего вида с четко определенной внешней точки зрения, то вполне вероятно, что положение двух других проемов в стене было аналогичным образом определено точкой или точками где-то на линии подхода к зданию, а не с учетом объектов внутри Пинакотеки. Такая точка легко обнаруживается у основания бастиона Ники, откуда между колоннами одновременно видны оба окна и дверь (рис. 2). Западное окно находится в крайнем левом углу между колоннами, восточное — в крайнем правом. Если наблюдатель движется от этой точки к Пинакотеке, окна остаются постоянно в поле зрения, но кажутся все более смещенными к середине между колоннами (рис. 3).

Ни по какой другой линии за пределами портика нельзя увидеть все три проёма одновременно. По отмеченной линии их можно увидеть не только одновременно, но и в таком взаимном соотношении, которое даёт неизменно меняющийся, но удовлетворительный вид симметрии. Факты указывают на два почти неизбежных вывода: во-первых, что линия этих точек определяет для нас положение последнего участка зигзагообразной дороги, ведущей к Акрополю; во-вторых, что асимметричное расположение дверей и окон было обусловлено желанием архитектора, чтобы фасад производил полное и единое впечатление на приближающегося наблюдателя. Это желание архитектора, кроме того, объясняет необычную глубину портика Пинакотеки. Как уже было сказано, положение восточного окна было определено расположенной перед ним антой. В таком случае глубина портика была обязательно обусловлена видимостью окна с бастиона храма Ники. Если бы стена была сдвинута вперед, окно было бы в большей или меньшей степени скрыто колонной, и замысел архитектора был бы в значительной степени сорван. Учитывая необычную глубину портика, эффект от еще большего отодвижения стены едва ли стоит рассматривать.

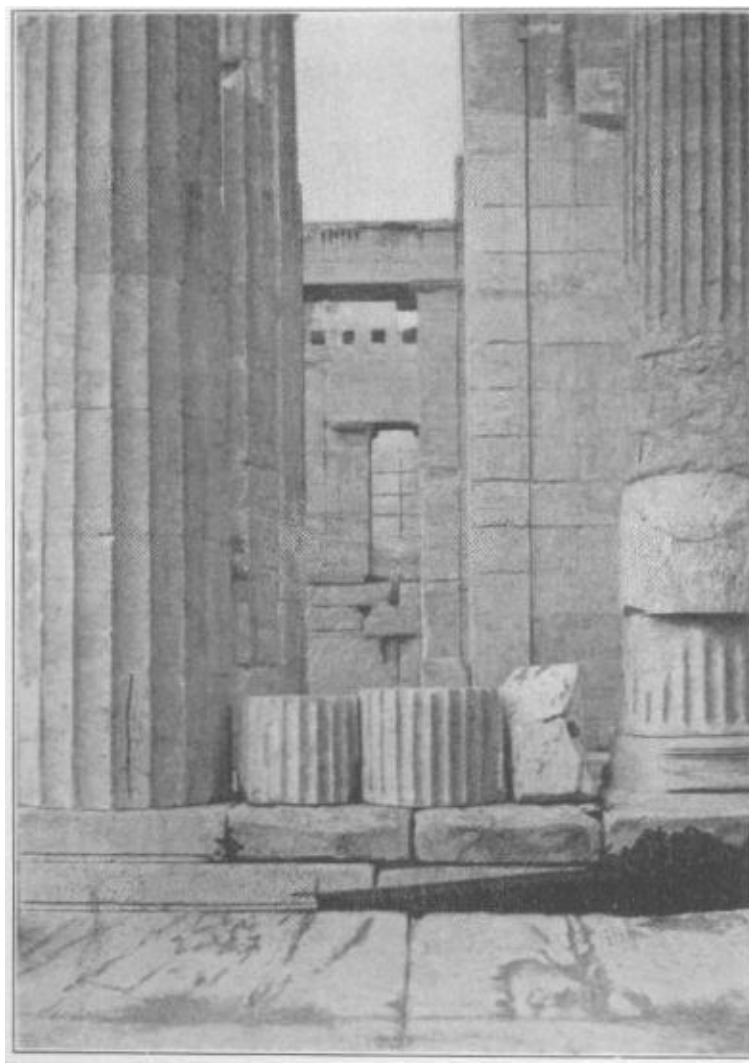

Рисунок 1

Вид на восточное окно Пинакотеки, показывающий его расположение по отношению к восточной анте портика.

Если последний участок зигзагообразной дороги был определен правильно, то следующий участок ниже должен был проходить от бастиона Ники до точки ниже постамента памятника Агриппе. Этот постамент, в свою очередь, является важным свидетельством, подтверждающим теорию о том, что именно таким был маршрут дороги. Памятник Агриппе был воздвигнут в 27 г. до н. э., то есть до того, как греческая дорога была заменена римскими ступенями в I веке н. э. (Judeich, *Topographie von Athen*, стр. 199, примечание). Его своеобразная ориентация никогда не объяснялась, но теперь, с учетом предыдущего анализа, она легко объяснима. С поворота дороги у подножия бастиона Акрополя () конная статуя, возвышавшаяся на высоком пьедестале, была видна в точном профиле. Это подтверждается взглядом на план (рис. 4), на котором ось дороги и ось пьедестала с севера на юг сходятся у подножия бастиона. С поворота дороги чуть ниже постамента надпись на его западной стороне была легко читаема. Но с предполагаемой дороги, нарисованной в Judeich, *op. cit.*, Plan II, человеку было невозможно легко прочесть надпись или увидеть конную группу в точном профиле. Таким образом, не вызывает сомнений, что пьедестал памятника был ориентирован по отношению к древнегреческой дороге, первая подсказка о которой дается своеобразным расположением дверей и окон Пинакотеки. Определенная таким образом дорога обладает значительным преимуществом перед другими, поскольку она позволяла видеть впечатляющий вид через большой портал и впечатляющий подход к нему прямо спереди.

Одновременная видимость двери и окон с нормальной линии подхода является до сих пор не замеченной особенностью зданий Перикла, которая снова удачно иллюстрируется в почти современном Эрехтеоне. Определенная реставрация Стивенсом (A. J. A., 1906, Pl. 9) восточной

стены этого храма () показывает, что дверь и окна были расположены так, чтобы быть одновременно видимыми из точек на оси двери (рис. 7). На расстоянии около 10 м от стилобата окна появлялись посередине межколонных промежутков.^[1] Ровная поверхность перед фасадом позволяла подходить к нему прямо спереди. Чтобы окна были одновременно видны, они были сгруппированы близко к двери, что, вероятно, вынудило архитектора использовать бронзовую дверную коробку вместо каменной, как в северной двери. Первая позволяла использовать более длинные стеновые блоки между дверью и окном, чем вторая.

В случае Пропилей подход осуществлялся по зигзагообразной дороге, поднимающейся по крутому склону. Последний участок этой дороги был расположен под углом к оси север-юг Пинакотеки. Если фасад должен был рассматриваться с этого последнего участка зигзагообразной дороги, то абсолютно необходимо было асимметричное расположение двери и окон. Окна и дверь должны были быть перенесены вправо от их нормального положения. Восточный фасад Эрехтеона и Пинакотеки иллюстрируют один и тот же закон: двери и окна за колоннадой должны быть одновременно видны с передней части колоннады. Однако в « » (Исследование архитектуры и скульптуры древних греков) на восточном фасаде Эрехтеона этот закон соблюдается в совершенно нормальном расположении; в Пинакотеке соблюдение общего закона потребовало ненормального расположения проемов.

Однако непреодолимая трудность на пути полного соблюдения закона заключалась в необходимости учитывать требования двух широко разнесенных точек зрения: одной — на линии подхода к Пропилям, другой — внутри портика. Взгляд на план Пропилеев (рис. 4) показывает, что линии, проведенные от оси прямой дороги в ее нижней части до дверных косяков Пинакотеки, пересекают две колонны неравномерно. Линия слева от двери касается одной колонны, а линия справа глубоко врежется в другую. Если бы дверь была расположена исключительно с учетом вида с последнего участка зигзагообразной дороги, она должна была бы стоять дальше на запад. То, что она не стоит так, должно быть связано с тем, что архитектор стремился также обеспечить вид наблюдателю, который подходил к Пинакотеке сзади гексастила. Необходимо подчеркнуть тот факт, что проход за гексастилом был обычным способом доступа к Пинакотеке. Расположение восточного окна в середине стены было бы быстро, хотя и неосознанно, замечено наблюдателем, в результате чего асимметрия стены в целом не была бы заметна. Если бы обычный вход в крыло был расположен прямо напротив, между первой и второй колоннами (считая с востока), то тот факт, что окна не были равноудалены от двери, был бы легко замечен, но в данном случае наблюдатель, который входил в портик обычным способом с восточного конца, видел прямо перед собой пространство стены с окном, расположенным по центру. Если бы дверь была расположена дальше на запад, это преимущество было бы утрачено.

Если указанный нами зигзагообразный подход верный, то из этого следует, что Пинакотека была спроектирована также для наблюдателя, стоящего в начале прямой дороги через портал, где она создавала бы единый эффект с общей структурой.

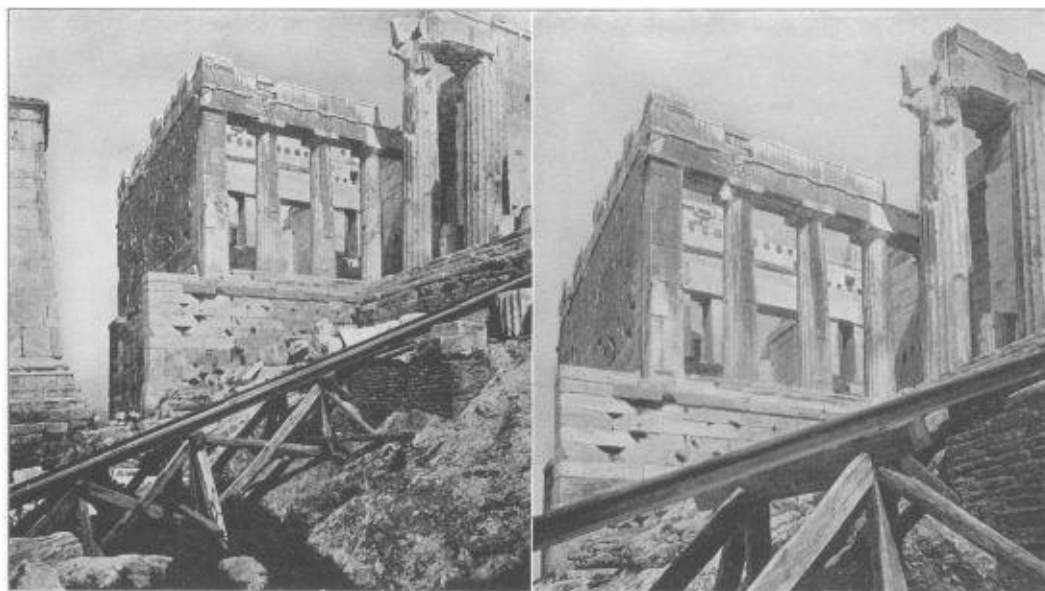

Рисунок 2

Пинакотека, вид с основания бастиона
Ники.

Слева — пьедестал памятника Агриппе

Рисунок 3

Пинакотека, вид с точки, расположенной около оси
дороги

через Пропилеи

Легко заметить, что если бы юго-западное крыло, которое так и не было достроено, было построено в точности как копия северо-западного крыла, то все три части были бы спроектированы так, чтобы их можно было увидеть с одной точки в начале прямой дороги, проходящей через портал, и хотя сооружение было бы трехчастным, оно представляло бы собой симметричную единицу. Профессор Дёрпфельд (*Ath. Mitt.*, 1885, стр. 45 и далее) показал, что архитектор когда-то планировал построить юго-западное крыло с колоннадой вместо закрытой западной стены (), и что нынешнее укороченное крыло могло бы быть включено в крыло, как и планировалось, если бы было получено разрешение на вторжение в соседние святилища. Конечно, нельзя отрицать, что когда-то для западной стороны крыла была запланирована колоннада, но исключает ли этот факт возможность существования еще более раннего плана? Единственная причина, приведенная профессором Дёрпфельдом в пользу колоннады, заключается в том, что она могла бы обеспечить доступ к храму Ники. Но закрытая стена вместо колоннады не сделала бы храм недоступным, пока в северо-западном углу крыла оставались ступени, которые обеспечивали гораздо более удобный подход к храму для тех, кто поднимался на Акрополь. Действительно, вполне возможно, что архитектор Мнесикл изначально планировал юго-западное крыло (Стюарт и Реветт, *«Древности Афин»*, II, V, Pl. III) точно такой же, как северо-западное крыло, но был вынужден отказаться от этой идеи, что его компромиссное решение с колоннадой также было отвергнуто, и что ему пришлось довольствоваться урезанной формой, в которой крыло существует сейчас, но что он расположил заднюю стену камеры таким образом, чтобы в конечном итоге ее можно было включить в крыло с колоннадой на западной стороне.

Кроме того, есть некоторые основания подозревать, что архитектор был настроен враждебно по отношению к идее постройки храма на бастионе. Пропилеи и храм явно не являются элементами гармоничного структурного плана. Пропилеи как венчающие ворота Акрополя требовали беспрепятственного обзора на запад. Наличие маленького храма препятствует этому обзору. Когда узнаешь, что сенат проголосовал за строительство храма в 446 г. до н. э. или незадолго до этого (Еф. Арх., 1897, с. 179), то есть в то время, когда, как можно с уверенностью предположить, строительные планы Перикла для Акрополя были уже почти готовы, можно с полным основанием

предположить, что консервативная религиозная партия стремилась навсегда помешать строителям, пренебрегающим святилищами, разместив храм Афины Ники на бастионе. О том, что сопротивление священников^[2] полностью помешало осуществлению замысла Перикла и его архитекторов, свидетельствует тот факт, что фундамент для стен, которые должны были стоять либо на территории святилища Артемиды Брауронии, либо на территории святилища Афины Ники, так и не был заложен.

Наиболее показательной главой в борьбе между священником и архитектором является последняя. Когда архитектор был вынужден отказаться от идеи построить колоннаду, он надеялся, что сможет продлить южную стену крыла на 30 см к западу от ее нынешнего положения, чтобы выровнять ее с третьей колонной северной колоннады. Доказательством этому служат блоки порос под полом крыла, которые выступают на запад настолько, что могли бы поддерживать мраморную плитку, заканчивающуюся на западной стороне колонны (см. фотографию в *Jb. Arch. Inst.*, 1906, стр. 139). Эти блоки никогда не предназначались для использования в качестве ступенек, поскольку в этом случае был бы использован мрамор. Если бы мостовое покрытие и анты простирались на 30 см дальше, между антой и третьей колонной северного фасада можно было бы возвести опору необходимого диаметра, а архитрав над опорой мог бы иметь ту же ширину, что и северная колоннада. Но даже эта небольшая уступка была отклонена; западная линия крыла была отодвинута назад; пришлось построить уникальный пилон и установить на нем узкий архитрав (Bohn, *op. cit.*, Taf. XVI). Даже блоки из пороса, которые вторгались в пределы храма, по-видимому, были отсечены.

В самих Пропилеях сохранились некоторые намеки на реальное отношение архитектора к храму Ники и его бастиону. Крепидома юго-западного крыла заканчивается антой, которая должна была стоять отдельно (*Arch. Zeit.*, 1880, с. 86; *Jb. Arch. Inst.*, 1906, с. 136, рис. 3): «То, что этот столб имеет форму анты, т. е. немного выступает на север и юг, доказывает, что здесь изначально планировалось самостоятельное завершение, точно так же, как в северном зале». Возражение Вольтерса (*Bonner Studien*, стр. 95) не опровергает вывод Бона. Первый предполагает, что блоки для двух соответствующих антов были заказаны архитектором без указания, для какой анты предназначались несколько блоков. Поскольку блоки имеют разную высоту, можно с уверенностью предположить, что каменотес точно знал местоположение каждого из них. Еще одним важным фактом является то, что данная анта наклонена на 3 см в западную сторону. Дёрпфельд, который публикует это ценное наблюдение в *Ath. Mitt.*, 1911, стр. 55, говорит: «Für das Ende einer Mauer ist ein Überneigen des oberen Teiles nach aussen ganz unerhört. Wir dürfen also mit Sicherheit behaupten dass die beiden Seitenwände des Vorplatzes der Propyläen nicht beendet sind, sondern nach dem Plane des Mnesikles weiter nach Westen als Marmorwände mit mindestens je einer zweiten Ante fortgeführt werden sollten. Im Süden sollten die beiden Parastaden augenscheinlich die Treppe zum Nike-Tempel einfassen, im Norden sollten sie vermutlich eine Tür, die zu dem westlich von der Pinakothek befindlichen tief liegenden Raume führte.»

Из важного наблюдения профессора Дёрпфельда следует вывод, что анта должна была нести перемычку или архитрав, простирающийся на запад. Вопрос заключается в том, какую часть бастиона нужно было снести, чтобы освободить место для этой пристройки. Готовность архитектора посягнуть на территорию храма дает основание ответить, что весь бастион должен был быть снесен. Как говорит Бон, анты были построены так, чтобы стоять отдельно, как и их аналоги в северо-западном крыле. Характер пристройки остается предметом догадок. Возможно, предполагалось построить колоннаду.

Но если это так, то возникает вопрос, как получилось, что северная стена бастиона храма, который, безусловно, предшествовал Пропилеям, совпадает по линии с юго-западным крылом Пропилей. Это совпадение должно быть результатом намеренного плана и лучше всего объясняется предположением, что когда строился бастион, план Пропилей и их расположение уже были известны. Таким образом, северная стена бастиона могла быть построена в одной линии со

стеной крыла. Продолжение северной стены бастиона было разрушено, когда начались работы над Пропилеями.

Ни Перикл, ни Мнесикл не дали согласия на возведение храма Бескрылой Победы. В наклонной анте, построенной отдельно, читается их погребенная надежда на то, что Пропилеи будут иметь прекрасный вид на всю область к западу от Акрополя, вид, не омрачаемый враждебными линиями структурно незначительного храма Победы.

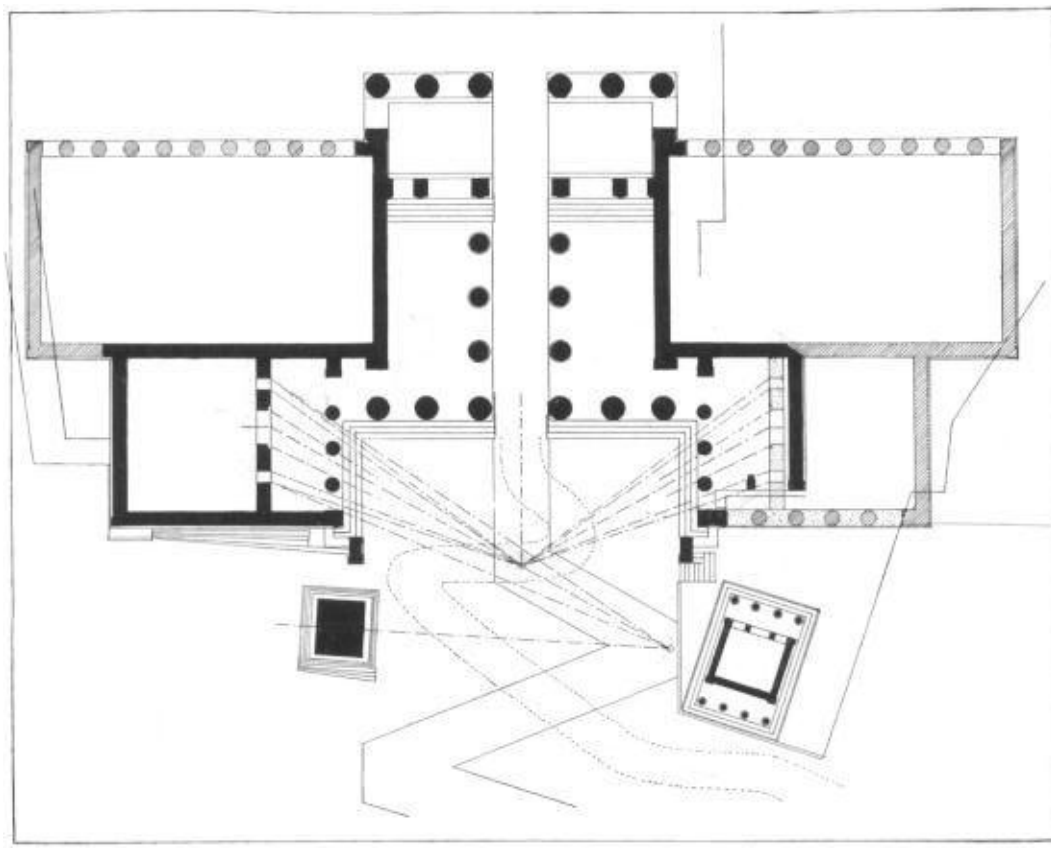

Рисунок 4

План Пропилей с изображением зигзагообразной дороги, предполагаемой дороги (пунктирные линии) и первоначальной формы юго-западного крыла.

II

КАРИАТИДНЫЙ ПОРТИК ЭРЕКТЕЯ

Не менее примечательной особенностью Эрехтеона является кариатидный портик, который обычно считается плодом фантазии художника и не имеющим дальнейшего значения. В настоящем исследовании будет сделана попытка доказать, что девушки служат не только структурной и художественной цели, но и имеют отношение к культу храма, несмотря на то, что женские фигуры использовались более ранними архитекторами лишь в качестве опоры. Если тема фриза Эрехтеона, как и фриза примерно того же времени Парфенона, была уместно взята из жизни и поклонения богам храма, то вполне возможно, что скульптурные девушки уникального портика кариатид также имеют логическую связь с культом храма.

В первую очередь можно заметить, что вход в Эрехтейон у портика кариатид по своему расположению в точности соответствует южному входу в доперсидский Эрехтейон. Архаичная скульптура фронтона из Пороса, которая сейчас находится в музее Акрополя (Wiegand, *Porosarchitektur der Akropolis zu Athen*, Taf. 14; Petersen, *Die Burgtempel der Athenaia*, p. 22, abb. 2), дает нам представление о раннем храме, как он выглядел с юга. Рядом с западной стороной храма

над невысокой стеной возвышается священная олива Афины, так же как и в более поздний период она стояла рядом с западным фасадом Эрехтеона и возвышалась над южной стеной Пандросеона. Стена ограды простиралась на запад от юго-западного угла как раннего, так и позднего Эрехтеона. Вдоль этой стены в скульптурах фронтона фигуры идут к храму. Они пришли со стороны Пропилеев. Процессия, движущаяся от Пропилеев к портику кариатид, имела именно такой фон скульптурных фигур. Соответствие становится полным, если заметить, что эти фигуры движутся к входу, который соответствует более позднему портику кариатид.

Еще одним важным моментом является то, что женские фигуры в процессии несли что-то на головах, о чем свидетельствуют их поднятые, но сломанные левые руки. Положение более крупной фигуры, которую предполагалось видеть в анфас, неточно, поскольку она не была прикреплена к стене, как меньшая женская фигура. Вероятно, она стояла в портике и, возможно, служила кариатидой. Петерсен (*op. cit.*, стр. 27) считает, что эти фигуры представляют собой не канефоров, а арефоров, и его мнение вполне обосновано. Арефовы ежегодно несли на головах какой-то таинственный предмет в храм Афины и Эрехтея.

Процессия, включающая Аррефоров, движущихся к входу, который был предшественником портика кариатид, дает основание предположить, что последний портик не был предназначен для общего пользования. Ограниченное использование портика кариатид можно с уверенностью заключить из следующих фактов. Отверстие в северо-восточном углу портика узкое, а ступенька, ведущая к нему, имеет высоту двадцать дюймов. Если бы этот вход в храм использовался общественностью, ступенька была бы ниже и более удобной. Кроме того, изящные лепные украшения здания, проходящие под этим проемом, были бы изношены, если бы проем часто использовался (Фрейзер, *Павсаний*, II, стр. 337). Фрейзер приходит к выводу, что вход был предназначен только для жрецов.

Этот вход, как и его предшественник, возможно, использовался Аррефорами. Если это был вход, специально предназначенный для них, то кариатиды вполне можно считать статуями Аррефоров. Они украшают свой собственный портик. Против такой идентификации можно возразить, что кариатиды имеют полностью развитые формы, тогда как аррефорои были девочками в возрасте от семи до одиннадцати лет (Bekker, *Anecdota Graeca*, I. p. 202, s. v. ἀρρηφορεῖν), но структурная необходимость в более тяжелых, полных формах оправдывала свободу архитектора. Кариатиды называются κόραι в надписях на здании.^[3]

Рисунок 5

Процессия Аррефорой. Сцена на архаической амфоре

Интерпретация кариатид как аррефоров подтверждается сценой (рис. 5)^[4] на архаической амфоре, которая также позволяет лучше понять портик в целом. Амфора, которая сейчас находится в Музее изящных искусств в Бостоне, опубликована Де Риддером в *В. С. Н.*, 1898, стр. 467 и табл. VI, а также Caskey в *Museum of Fine Arts Bulletin*, Vol. VII (1909), No. 38. На сцене на горлышке этой амфоры изображена жрица, за которой следуют четыре девушки, несущие на головах длинный сундук. De Ridder сравнивает четырех девушек с афинскими канефорами. Можно отметить некоторые интересные моменты. Девушек четыре. Древние писатели, за исключением Павсания, сообщают нам, что в Афинах было четыре Аррефорой.^[5] Передняя часть кариатидного портика состоит из четырех кариатид. На этом сравнения не заканчиваются. Архитрав, который несут кариатиды (Аррефорой), можно сравнить с длинным сундуком, который девушки несут на головах, а диски на архитраве — с дисками, украшающими сундук. Диски на архитраве обычно объясняются как замена фриза, но логика такой замены совершенно неясна. Они просто являются украшениями, которые украшали таинственную ношу Аррефорой.

Церемония, в ходе которой Аррефорой несли сундук, могла быть связана с культом героизированных мертвых. Согласно преданию, Эрехтей, который был тесно связан с Афиной, был похоронен в Эрехтеоне. Диски на сундуке и на одежде носильщиков напоминают те, которые были найдены в большом количестве в микенских шахтных могилах.^[6] Но каким бы ни был характер церемонии, она была связана с культом, который находился в Эрехтеоне.

Упомянутая амфора является произведением беотийского мастера, но этот факт не умаляет ее важности для рассматриваемой проблемы. Беотийский гончар, возможно, позаимствовал эту сцену из афинского источника. Сравнительное исследование этой амфоры, архаичной фронтовой скульптуры и кариатидного портика позволяет сделать следующие выводы. Криптовальтра — это смелое воплощение в мраморе Аррефоров и покрытых дисками сундуков, которые они несли на головах в совместный храм Афины и Эрехтея. Девы являются особенно подходящим украшением портика, который был зарезервирован для их живых прототипов. Соответствующий вход в доперсидский совместный храм также использовался Аррефорами и, возможно, имел кариатиды вместо колонн. Если это так, то более поздний храм воспроизвел особенность более раннего храма, так же как и уникальные скульптурные барабаны более раннего Артемизия в Эфесе были

воспроизведены в его преемнике. Одним словом, кариатидный портик не является произвольным творением, а связан в своей концепции с культом храма.

III

ЭРЕХТЕЙОН В ТОМ ВИДЕ, В КАКОМ ОН БЫЛ ПОСТРОЕН

Нынешний план интерьера Эрехтеона вызывает ряд трудностей. Сначала рассмотрим те из них, которые носят общий характер. Внутри келл греческих храмов внутренняя поперечная стена обычно расположена под прямым углом к оси главного входа, а не параллельно этой оси, как в западной келле Эрехтеона. Принятый план келлы требует ориентации двух камер по линии восток-запад, а не север-юг. Несоответствие пропорций западной камеры и веранды, ведущей в нее, вряд ли можно ожидать от архитектора V века. Его, возможно, можно оправдать теорией о том, что он работал в условиях ограничений, наложенных сложностью культов, если бы не тот факт, что современный архитектор Пропилей планировал без учета святилищ (ср. Furtwängler, *Sitzb. Münch. Akad.*, 1904, 375). Северный портик создает ощущение, что он был предназначен для входа во внутреннее пространство, размеры которого превышали размеры нынешнего плана.

Особые трудности возникают, когда пытаешься найти в плане определенные детали надписи Чандлера (I. G., I, 322). Не удастся найти удовлетворительного парастаса. Это была какая-то внутренняя стена. Слово *простομαῖον*, официальное название одной из камер в западной келле, происходит от *простόμιον*, которое, как предполагается, было бордюром вокруг священного колодца (Petersen, *Die Burgtempel der Athenaia*, стр. 101). Но естественно возникает вопрос, почему комната священного колодца не была названа в честь *στόμιον*. Фрэар (*στόμιον*) был важным объектом культа в этой комнате. Это *θάλασσα*, упоминаемая Геродотом, и фрэар, упоминаемая Павсанием, в то время как о бордюре колодца ничего не говорится. Естественное толкование *простομαῖον* — это помещение перед (*πρό*) * *στομαῖον*, т. е. помещение *στόμιον*. Теперь происхождение * *στομαῖον* (которое, конечно, не встречается в сохранившихся записях о храме) от *στόμιον* так же просто, как и происхождение *Πανδросεῖον* от *Πάνδροςος*. Именно совершенно проблематичное *простόμιον* делает маловероятным происхождение от него *простομαῖον*.

Есть еще один возможный источник сложностей, на который следует обратить внимание. В надписи упоминаются четыре двери размером $8\frac{1}{4} \times 2\frac{1}{2}$ фута, для которых нет места во внешних стенах. Значит, они должны были быть расположены во внутренних стенах. Согласно нынешнему плану, на котором между святилищами Афины и Эрехтея показана закрытая стена, эти две двойные двери, должно быть, находились в западной поперечной стене, где они вряд ли могли вести в одну комнату (Fowler and Wheeler, *Greek Archaeology*, p. 148, fig. 115). Это заставляет нас предположить, что средняя камера была разделена на две части, что создает трудности для тех, кто считает, что слово *διπλοῦν* в описании Павсания относится ко всей западной части Эрехтеона. Ведь тогда западная келла состояла бы из трех, а не из двух камер.

Дальнейшие серьезные трудности возникают при попытке соотнести текст Павсания с современным планом всего здания (ср. Michaelis, *Jb. Arch. Inst.*, 1902, стр. 16 и далее). Именно это и пытались сделать ученые, получив очень разные и неудовлетворительные результаты, настолько неудовлетворительные, что в последнее время некоторые склонны отрицать какую-либо ценность последовательности, которой следует Пausаний в своем повествовании. Те, кто считает, что это описание является чем-то большим, чем просто беглым изложением содержания храма, как говорят, делают предположения. Но само по себе описание кажется систематическим изложением, и бремя доказательства лежит на тех, кто его отрицает. Отрицание основано на несоответствии описания принятому плану интерьера Эрехтеона, но такое основание ненадежно, поскольку интерьер храма был настолько полностью разрушен, что не позволяет провести абсолютно достоверную реконструкцию, опираясь только на свидетельства здания. Нет никаких уверенных оснований утверждать, что в случае с этим описанием Павсаний перепутал свои записи.

Путешественник был вынужден войти в Эрехтейон через три разных двери. Однако его описание простое и не должно вызывать затруднений. Оно предполагает упорядоченное продвижение. Перед входом он обнаружил алтарь Зевса (); при входе — три алтаря и картины Бутадаев; затем во внутренней (ἔνδον) комнате — колодец и знак трезубца; далее следует описание предметов в келле Афины. Затем он прошел в Пандросеум. Порядок в этом описании прост и естественен, и как только выдвигается теория о переносе упоминания некоторых предметов на более поздний срок в других контекстах, в этот момент описание теряет свою ценность в том, что касается внутренней планировки Эрехтеона, и открывается путь к расположению содержимого храма в соответствии с индивидуальным выбором. Простота и естественность описания являются лучшей гарантией упорядоченного развития повествования Павсания и единственным ориентиром в тех случаях, когда свидетельства о здании недостаточны.

В своем простом и прямом рассказе Павсаний ничем не указывает на то, что он покинул Эрехтейон, пока не вошел в Пандросейон. Нынешний план храма, в котором восточная и западная кельи разделены закрытой стеной, вынуждает сделать такое предположение. Кроме того, если Паусаний, придя с востока, вошел в Эрехтейон через восточную дверь, то приходится поместить в келье Афины алтарь Посейдона-Эрехтея и картины Бутадаев, которые не требовали кельи с ориентацией на восток, а затем поместить содержимое *ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς*, включая ксоанон, в западную келью, где оно определено не принадлежало; или же, следуя Дёрпфельду, перенести музей в тенистое старое Гекатомпедон, лишив таким образом богиню всякого участия в Эрехтейоне, за исключением того, что храм был назван в честь ее древнейшего изображения в официальной надписи V века.

Но если на мгновение оставить в стороне возражение, что Павсаний не дает никаких указаний на то, что он покинул Эрехтейон, пока не прошел к *ναὸς Πανδρόσου*, и принять во внимание, что старый Гекатомпедон все еще стоял, то сразу возникает вопрос, почему Павсаний, который рассматривал все по порядку, прошел мимо этого храма, когда подходил к нему с востока. Почему он не посетил кельи, которые находились на более высоком уровне, а затем не прошел к тем, что находились на более низком уровне в западной части Эрехтеона? Тот факт, что старый храм стоял на несколько шагов дальше к западу от Эрехтеона, не помогает выйти из затруднительного положения. Простой и удобный порядок был бы следующим: Гекатомпедон, Эрехтейон, храм или теменос Пандроса. Но вместо этого мы имеем непонятный порядок, иллюстрированный в А. J. A., III (1899), стр. 368.

Однако, если большинство ученых правы в своем убеждении, что Паусаний сначала вошел в западную келлу Эрехтеона, то согласно нынешнему плану ни колодец, ни знак трезубца не были ἔνδον, потому что первый находится в комнате, в которую входят прямо с северного и южного портиков (Michaelis, *Jb. Arch. Inst.*, 1902, стр. 16). Фуртвенглер (*Masterpieces*, стр. 435) прибегает к теории, что Паусаний, сразу после упоминания алтаря Зевса Гипата перед входом, добавляет три других внутри кельи, чтобы получить одну из своих любимых антиitez. Результатом является безнадежная путаница. Три алтаря, которые Паусаний упоминает как находящиеся в первой камере, Фуртвенглер распределяет по двум камерам, ни в одну из которых не входят непосредственно с северного или южного портика, в то время как в первой камере установлен Кекропс, которого Паусаний не упоминает. Была предпринята попытка, которую следует охарактеризовать как насильственную, привести описание путешественника в соответствие с планом целлы, исходя из предположения (Фрейзер, *Паусаний*, II, 336), что и к колодцу, и к трезубцу, по-видимому, можно было добраться из внутренней камеры, а любопытным открывался вид на колодец через отверстие у подножия лестницы, ведущей из внутренней камеры в крипту (ср. Фуртвенглер, *Sitzb. Mün. Akad.*, 1904, с. 372). Но зачем заставлять Павсания спускаться по лестнице, о которой нет никаких свидетельств, чтобы посмотреть на углубления в скале, которые были видны с портика? Обоснование Фрейзера, что проход через фундамент и под полом был предназначен для тех, кто хотел внимательно осмотреть углубления, является крайне неубедительным. Следы можно было рассмотреть с портика, не ползая по проходу, высота

которого (1,22 м) показывает, что он не был предназначен для обычного доступа, как справедливо замечает Михаэлис (*op. cit.*, стр. 19). Объяснение Петерсена (*op. cit.*, стр. 102), что Павсаний отложил упоминание о следах трезубца до тех пор, пока не увидел фр́εαρ внутри храма, является просто еще одним произвольным нарушением четкого заявления путешественника, которое дает все основания полагать, что события развивались в естественной последовательности.

Здесь следует обратить внимание на отверстие в полу портика рядом со стеной и слева от двери. Это отверстие ведет в проход. Нильсон (J.H.S., 1901, с. 328) соглашается с утверждением, сделанным в Πρακτικὰ τῆς ἐπὶ τοῦ Ἐρεχθείου Ἐπιτροπῆς (1853) § 25, что отверстие является современным, но, поскольку на поверхности соседнего блока нет ни малейшего следа от резца, можно с уверенностью сказать, что отверстие было прорезано до того, как плита была установлена на место, т. е. оно является частью подземной системы в этом месте, но никаких попыток объяснить это не было предпринято.

Еще одна трудность заключается в словах διπλοῦν γάρ ἐστιν τὸ οἴκημα. Упомянув о жертвенниках и росписях в первой комнате, Павсаний переходит ко второй с замечанием, что οἴκημα является двойным, чтобы найти там (ἔνδον) колодец и следы (σῆμα или σῆμα) трезубца. В других отрывках, где Павсаний описывает двойные здания, естественным толкованием является то, что первая комната находится впереди, а передняя часть определяется входом во вторую, поскольку поперечные стены в келлах обычно расположены под прямым углом к главной оси. Северный портик сразу же определяет эту ось в западной келле Эрехтеона. В Paus. VI, 20. 3 первая камера обозначена словами ἐν τῷ ἔμτροσθεν, вторая — ἐν τῷ ἐντός. Согласно настоящему плану, камеры οἴκημα Ἐρεχθείου расположены одна перед другой только для человека, который входит через , маленькую дверь в западной стене. Для человека, входящего через любую из других дверей, комнаты расположены рядом.

Общее возражение против всех теорий об Эрехтеоне заключается в том, что они приписывают непонятный порядок маршруту, пройденному Павсанием. Те, кто считает, что он вошел в здание через северный портик или портик дев, вынуждены полагать, что он прошел через восточный вход, только чтобы вернуться наверх и позже войти в келью Афины, а затем снова спустился, чтобы посетить Пандросеум. Те, кто считает, что Павсаний видел ксоанон Афины в Гекатомпедоне, также вынуждены предполагать, что Павсаний дважды прошел тот же путь, и, кроме того, исказить значение слова συνεχής. Пандросеум, в котором, должно быть, стоял ναὸς Πανδρόσου, тесно связан с Эрехтеон, а не с террасой Гекатомпедона, которая находилась выше и была еще больше отделена стеной, проходящей на запад от портика дев на фундаменте перистилия старого храма. Те, кто считает, что лестница соединяла восточную и нижнюю западную келлу Эрехтеона, не могут объяснить, почему Павсаний не вошел сначала в восточное святилище, а после описания его содержимого спустился в западную и нижнюю келлу, а затем прошел в Пандросеум. Одним словом, нынешний план Эрехтеона будет согласовываться с описанием Павсания *cum tula peperit*.

Сложности нынешнего плана как в свете надписи Чандлера « », так и в свете описания Павсания заставляют полагать, что интерьер Эрехтеона был восстановлен неправильно и поэтому должен быть пересмотрен.

Римский фундамент скрыл правду о храме, а именно фундамент, который, как говорят, поддерживал западную из двух внутренних стен. Однако этот фундамент находится точно под тяжелыми блоками, которые были вставлены римлянами в качестве эпистилия ряда опор или колонн для поддержки крыши и которые служили преемниками καμπύλη σελίς греческих времен (А. J. A., 1910, стр. 291). Выветривание на северной стене помогает установить связь фундамента с вставленными блоками. Этот фундамент был позже использован для стены нартекса церкви, в которую был преобразован Эрехтейон, возможно, еще в V веке. Однако следы греческих стен, расположенных к востоку от северных и южных дверей, показывают, что, если они принадлежат греческой стене, которая стояла на нынешнем фундаменте, то эта стена опиралась не прямо на

фундамент, а на его восточную сторону. Из этих фактов можно сделать однозначный вывод, что фундамент не был заложен для греческой стены, каким бы ни был характер последней. Размер вставленных блоков доказывает, что римская работа была тяжелой и требовала тяжелого фундамента, такого, как существующий, достигающего скалы. Однако следы греческой стены показывают, что она достигала пяти рядов над ортостатами, в то время как наличие *καμπύλη σελίς* выше доказывает, что эта низкая стена была только экранной стеной и ничего не поддерживала. То, что фундамент является римским, подтверждается при изучении его характера, который представляет собой замечательный контраст с греческим фундаментом западной стены здания. Ложе для римского фундамента не было тщательно подготовлено; чуть южнее центра явно заметна неровность подстилающей скалы. Совершенно иной характер имеет греческий фундамент. Скала была тщательно вырезана для его установки. Ряды уложены ровно, промежутки между блоками небольшие. Ни одно из этих замечаний не относится к римскому фундаменту, который является самым плохим в здании. Наконец, этот фундамент не соединяется с фундаментами северной и южной стен (рис. 6). Южный фундамент, по-видимому, соединяется с фундаментом внутренней стены, но при осмотре видно, что данный блок порос был отрезан теми, кто расширял цистерну. Первоначально этот блок выступал так же, как и блоки порос в том же ряду, но к востоку от внутренней стены. Если бы внутренний фундамент соединялся с фундаментами внешних стен, его греческий характер был бы вне всякого сомнения.

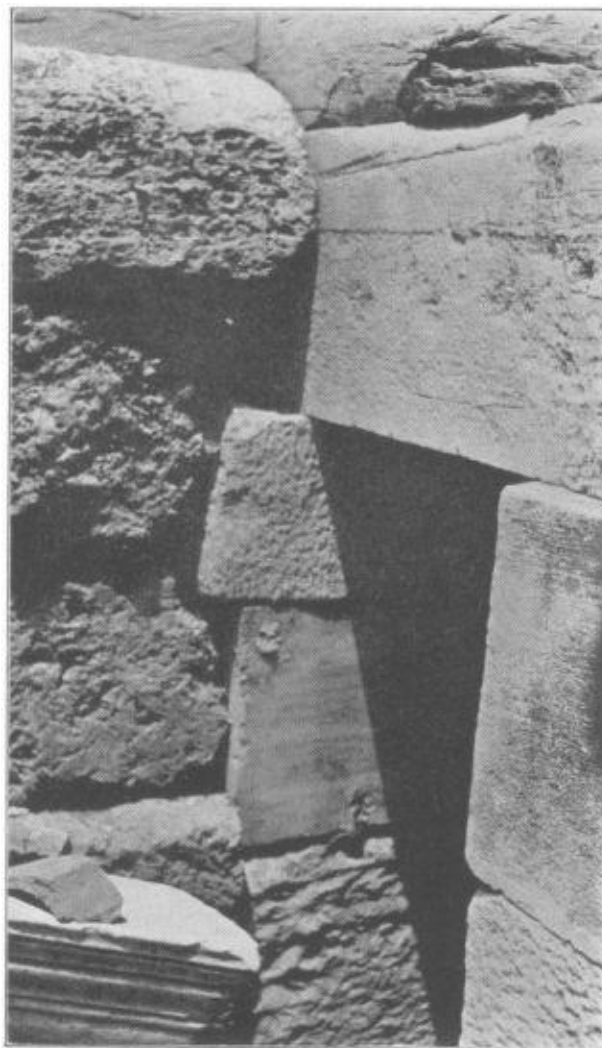

Рисунок 6

Вид северного конца западного внутреннего фундамента, показывающий, что он не соединяется с фундаментом северной стены.

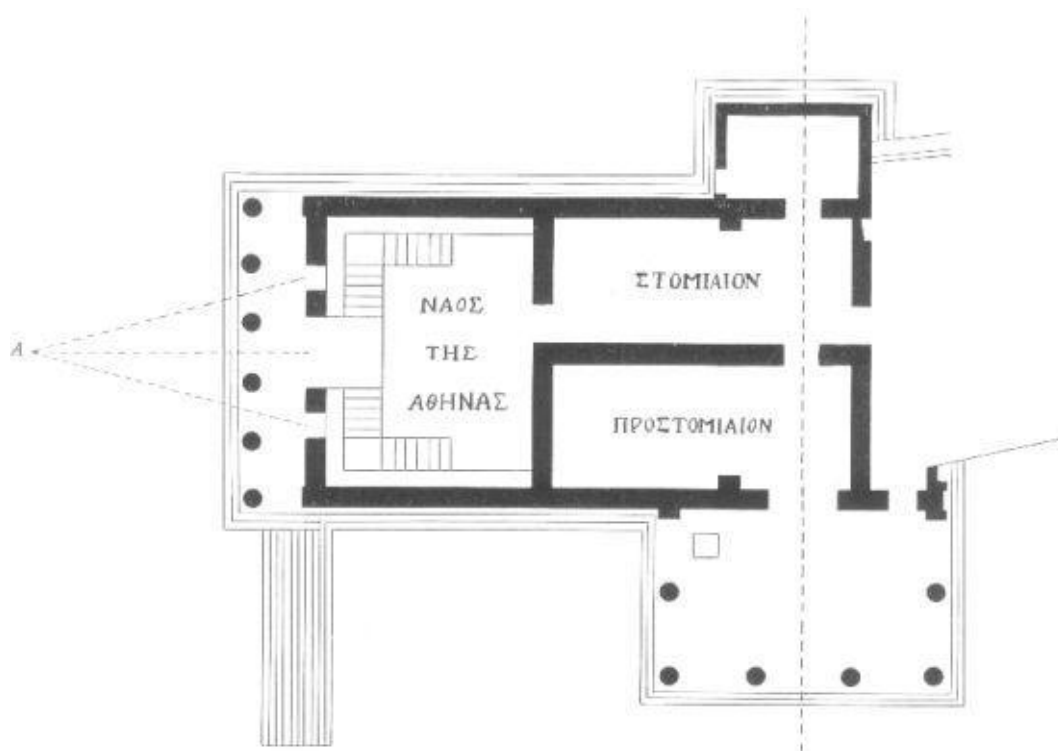

Рисунок 7

План Эрехтеона, показывающий новую внутреннюю планировку. Пунктирные линии от точки А показывают одновременную видимость окон с оси двери.

Западная келла Эрехтеона, по всей вероятности, была разделена на две камеры стеной, проходящей с востока на запад (рис. 7). Главным доказательством этого в здании является то, что западная дверь Эрехтеона не находится в середине стены, что часто отмечается как особенность (Penrose, *The Principles of Athenian Architecture*, стр. 88). Необычное расположение двери под колонной является конструктивно нецелесообразным (Michaelis, *Jb. Arch. Inst.*, 1902, стр. 18). Если бы дверь была расположена посередине, она находилась бы непосредственно под центральным промежутком между колоннами западной колоннады. Последней теории (D'Ooge, *The Acropolis of Athens*, стр. 201) гласит, что положение двери было определено конструкцией, примыкавшей к западной стене чуть южнее двери. Присутствие примыкающей конструкции, таким образом, следует считать обладающим некой магической силой притяжения, которая сместила дверь из ее нормального положения в конструктивно нежелательное. Несимметричное положение двери, несомненно, было определено внутренней поперечной стеной, которая стояла чуть севернее двери и делила западную келью на северную и южную камеры примерно одинакового размера. Дверь, соединяющая две камеры, скорее всего, находилась на оси северной и южной дверей храма (рис. 7), то есть очень близко к западной стене. Расстояние от верхнего ряда, который не мог достигать перемычки западной двери, составляло $8\frac{1}{4}$ фута над нижней частью ортостатов западной стены. Высота дверей, упомянутых в надписи Чандлера, составляет $8\frac{1}{4}$ фута. От этой поперечной стены нет никаких следов соприкосновения с западной стеной. Однако следует отметить, что поверхность западной стены в этом месте сильно разрушена (рис. 8). Поверхность ортостата частично хорошо сохранилась, но ортостаты в месте соприкосновения с внутренними стенами нигде не оставили никаких следов такого соприкосновения — нет анатироза. Это особенно примечательно в случае восточной поперечной стены, где предполагаемый более высокий уровень на восточной стороне заставляет ожидать тщательного соединения с анатирозом (рис. 9). Если бы северная стена была разрушена до этого ортостата без возможности восстановления, то сейчас не было бы никаких доказательств того, что поперечная стена когда-либо соприкасалась с ней. Ортостат рядом с дверью в западной стене не может быть приведен в качестве доказательства против существования внутренней поперечной стены, проходящей с востока на запад. Блоки над

этим ортостатом сильно разрушены, за исключением одного, расположенного чуть ниже перемычки, на котором сохранилась часть первоначальной поверхности. Перемычка, как и ортостат, представляет собой блок высотой в два ряда и, судя по поверхности, может иметь те же признаки отсутствия соприкосновения с внутренней частью стены. Возможно, что ни один ряд поперечной стены не соединялся с западной стеной, поскольку первая была просто невысокой перегородкой. Верхняя часть перемычки в линии стены разрушена, поэтому, как и в случае с блоками ниже, не стоит ожидать наличия следов зажимов. Если на мгновение забыть о примечательном расположении двери, можно сказать, что внутренняя поверхность западной стены к северу от двери не позволяет сделать однозначного вывода о наличии или отсутствии этой внутренней поперечной стены. Окончательный ответ можно найти в простом описании Павсания, к тексту которого мы теперь можем обратиться (I, 26, 5). Новый план подходит идеально.

Рис. 8.

вид Н. сторону двери в стене У.

В первой комнате (ἑσέλθοῦσι) Павсаний нашел алтари Гефеста, Посейдона-Эрехтея и Бьюта, а также росписи Бутады. Пространство стены, освещенное непосредственно из западных окон, было прекрасно приспособлено для картин. Дверей было всего две, и те в западных концах длинных стен. Там могла бы быть непрерывная серия картин, в то время как у проστομιαίων другого плана было пять дверей, и поэтому он предлагал менее желаемое пространство. Со словами διπλοῦν γάρ ἐστιν τὸ οἶκμα Павсаний переходит в следующую комнату (ἐνδόν), где он нашел колодец с морской водой. Сейчас имя Павсаний вводит его описание существенна: ἔστι δὲ καὶ οἶκμα Ἐρέχθειον καλούμενον. Он назвал храм по той части, в которую вошел первым, а затем, мгновение спустя, говорит, что это οἶκμα двойное, то есть по той части, в которую он только что вошел. До

этого момента нет никаких намеков на Афины. διπλοῦν οἴκημα Эрехтея состоял из двух комнат, расположенных одна за другой относительно притвора.

На новом плане фрээр находится во внутренней (ἐνδον) комнате οἴκημα у западной стены храма, где вода скапливалась в более поздние времена и, вероятно, следовательно, во времена Греции и Рима, в то время как на старом плане нет никаких указаний на какой-либо колодец во внутренней камере. В настоящее время цистерна в западной части храма простирается от северной двери до южной, но есть свидетельства того, что первоначально, во времена Греции, она не простиралась так далеко на север. Сразу за северной дверью тротуар состоял из тонких плит толщиной 0,13 метра, которые проходили под тяжелыми блоками под ортостатическими опорами западной стены и входили в прорезь в самом верхнем ярусе фундамента порося. Тонкость тротуара не согласуется с теорией о каком-либо поломанном своде под полом. Должно быть, там была земляная насыпь, на которую опирался тротуар. Это подтверждает теорию о том, что первоначально меньшим местом для скопления воды внутри здания был юго-западный угол. Сток в юго-западном углу Северного крыльца, по которому поступала вода со стороны Крыльца Кариатид как до, так и после постройки нынешнего Эрехтеума, возможно, уносил излишки воды из фрээр. Возможно, что отсутствие надлежащего фундамента под порогом двери в Кариатидном Притворе было связано с наличием там ряда каменных насыпей, которые окружали колодец и отметину в виде трезубца. Архитектор, не сумевший добиться согласия на их демонтаж, был вынужден пристроиться к ним и поднять дверь. Он разместил порог над нижней частью ортостатий, и положение этого порога, возможно, определило высокое положение ортостатий западной стены. Оба расположены на одном уровне.

Во внутренней комнате Павсаний увидел знак трезубца, естественно, рядом с символом фрээр. Первое породило второе, согласно Аполлодору, III, 14, 2. Павсаний видел в них не πρὸ τῆς ἐσόδου, αὐνδον. Нет никаких оснований отождествлять отметины на скале под северным крыльцом с отметинами, сделанными трезубцем Посейдона, за исключением общего согласия, достигнутого в недавнее время. Если знак с трезубцем находился внутри Эрехтеума, то какое божество нанесло этот знак снаружи и под крыльцом, который, несомненно, был объектом культа? "Die Stelle welche Zeus mit seinem Blitze getroffen hatte, wurde mit einem Puteal umgeben und blieb unter freiem Himmel" (Dörpfeld, *Ath. Mumm.*, 1903, с. 467). Перед входом стоял алтарь Зевса Ипата. Совпадение место πρὸ τῆς ἐσόδου и ἐν τῇ προτάσει τῇ πρὸς τοῦ θυρώματος, где, согласно официальной надписью алтарь Thyechous стоял, перевешивает каких-либо возражений относительно определения двух алтарей основанный на разнице именем в двух разных записях, ὁ τοῦ Διὸς βωμὸς θυηχοῦ и βωμὸς Ὑπάτου. Павсаний отходит от официальной терминологии строительных надписей. Ротонда в Эпидавре был призван в здании надпись θυμέλη (ср. МФ. Cavvadias, Τὸ Ἱερὸν τοῦ ἐν Ἀσκληπιῷ Ἐπιδαύρῳ, стр. 50). Павсаний назвал его θόλος. Официальное название Эрехтеума не встречается ни в литературе, ни в надписях, за исключением отчета уполномоченных. Поэтому неудивительно, что Павсаний не назвал алтарь ὁ βωμὸς τοῦ θυηχοῦ. Это название не дает ни малейшего представления о боге, которому он был воздвигнут. Предложение Михаэлиса (*Jb. Arch. Inst.*, 1902, стр. 17) то, что алтарь, возможно, принадлежал Посейдону, исходит из логической идеи сделать его алтарем бога, который, как считается, сделал отметины в скале под крыльцом.

Рис. 9.

глядя на север по линии восточного интерьера крестовый. Вид, показывающий ортостатическое положение, которое соприкасалось с внутренней стенкой и шероховатой поверхностью (X) самородной породы на линии последней

Алтарь на северной паперти, был одним Зевса и его присутствие там напрашивается резонное предположение, что следы в скале под ним, и квадратное отверстие в крыше выше мемориальной грома швырнул в Эрехтея согласно Гигину (*Fab* в., 46). *СР.* Петерсен, *ОП. СОЧ.*, стр. 72. Нельзя сказать, что в более ранней традиции, что сохранились в Гигин или в Еврипид (*Ион*, 281), согласно которому *πληγαὶ τριαίνης* тяги Эрехтея в *χάσμα χθονός* (Фуртвенглер, *шедевры*, стр. 436, Примечание 3). Существовало предание, что Зевс по просьбе Посейдона убил Эрехтея ударом молнии, предание, которое становится еще более интересным в свете надписи, найденной на Акрополе (Lolling, *Δελ. Αρχ.*, 1890, с. 144), который доказывает, что там существовал *ββατον διὸς Καταιβάτου*. Камень с надписью был найден в средневековой стене к северу от северо-восточного угла Парфенона. Сохранились три поверхности фрагмента, показывающие, что он был извлечен, возможно, из угла низкой стены, окружающей *ββατον*. Одна сторона блока, выполненного из пентелийского мрамора, тонко отполирована. Отверстий для дюбелей или зажимов не сохранилось, и восстановить размеры исходного блока невозможно. Грань, на которой нанесена надпись конца четвертого века, по-видимому, была обработана заново, поскольку видны следы резца. Затем надпись, возможно, была вырезана заново. Предварительно предполагается, что этот фрагмент был частью бордюра около отверстия в полу северного крыльца.

Зевс метнул молнию, которая разрушила комнату Семелы в Фивах, и это место было *ββατον* во времена Павсания (IX, 12, 4). Когда Зевс поразил Эрехтея молнией, место на Акрополе, куда ударила молния, возможно, также стало *ββατον*. Интересно отметить, что в Олимпии Павсаний (V,

14, 7) видел фундамент дома Эномая и два алтаря: один Зевсу Геркею, который, по-видимому, построил Эномай, другой - Зевсу Керавносу, возведенный позже, после того, как удар молнии разрушил дом. Личности и дворцы мифических царей, по-видимому, были излюбленной мишенью для удара молнии Зевса. Традиция, сохранившаяся в Гигине, является иллюстрацией и побуждает искать в окрестностях Эрехтея какие-либо упоминания о ударе молнии.

То же самое относится и к замечанию схолиаста (после Аполлодора) о Софокле, *Изд. Полковник*, 705, кто говорит, что у Академии был жертвенник Зевсу Катаибатес который также называют Мориос: ἐστὶν τοῦ ὃ τε ὄν καὶ Διὸς καταιβάτου βωμὸς Μόριον καλοῦσιν τῶν ἐκεῖ μορίων παρὰ τὸ τῆς Ἀθηνᾶς ἱερὸν ἰδρυμένον. То, что Зевса Катаибатеса следовало называть мориос (морία), указывает на некоторую связь с Афиной и оливой, которая, возможно, произошла из Акрополя. Означает ли это двойное имя просто, что Зевс "недремлющего ока" использовал молнию (καταιβάτης), чтобы отомстить за святотатство, совершенное человеком, осквернившим священную оливу (морία), как предполагает мисс Харрисон, *Мифология и памятники древних Афин*, стр. 599, или ключ к объяснению дает отрывок из Павсания (IX, 12, 4)? Павсаний записывает предание о том, что в то время, когда Зевс метнул молнию, уничтожившую Семелу и ее брачные покои, с небес упало бревно, которое Полидор украсил бронзой и назвал Дионисом Кадмом. Возможно, древнее изображение Афины, хоанон из оливкового дерева, упавшее с небес, упало в то время, когда Зевс поразил Эрехтея, точно так же, как деревянное изображение Диониса Кадма упало, когда Зевс уничтожил Семелу. Если это так, то Зевс Катаибатес, принеся на землю кусочек священной оливы (морία), вполне естественно получил имя Зевс Мориос.

Какой известный алтарь Зевсу в окрестностях Эрехтея мог быть воздвигнут ему в качестве καταιβάτης? В Пандрозеуме под оливой находился алтарь Зевса Геркея. Это, однако, не могло служить алтарем Зевса Катаибатеса, потому что это были две отдельные фазы культа Зевса. Павсаний нашел рядом с руинами дворца Эномая в Олимпии алтарь Зевсу Геркею и еще один - Зевсу Керауну (Катаибату). Перед входом в Эрехтеум Павсаний нашел алтарь Зевсу Ипату рядом со священными углублениями в скале, которые находились под отверстием в крыше, и это не что иное, как алтарь Зевсу Катаибату.

Проход, который вел из этих углублений через фундамент в храм, предназначался не для молящихся, а для священника в отдельных случаях. В этом заключается возможное объяснение отверстия, которое открывается в проход рядом со стеной к востоку от главной двери. Возможно, это была своего рода переговорная труба для подземных высказываний. Возможно, под полом храма был вызван хтонический Эрехтей, и жреческий ответ донесся сверху через отверстие.

Знак трезубца и колодец, разрушенные при вырубке средневековой цистерны, находились в юго-западной части Эрехтеума. Таким образом, доказательства, представленные Посейдоном в споре за землю, были близки к оливковому дереву Афины, которое росло в Пандрозеуме. Дверь в западной стене обеспечивала свободный доступ из одного помещения в другое.

Уже отмечалось, что в описании Эрехтеума Павсаний между словами σσελθοῦσιν (I, 26, 5) и συνεχής (I, 27, 2) не указывает, что он покинул здание, чтобы войти в храм Афины. За ссылкой на колодец и знак трезубца следует сложносочиненное предложение, первый член (μέν) которого подготавливает путь для более важного второго члена (δέ), который рассказывает οὐγιώτατον ... Ἀθηνᾶς ἄγαλμα. Здесь нет разрыва в непрерывности повествования и нет нарушения упорядоченного продвижения, если Павсаний нашел средство связи между внутренней камерой διπλοῦν οἴκημα и ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς. Теперь традиционная близость Афины и Эрехтея заставила бы ожидать такого общения, и, таким образом, целла Афины, давшая официальное название храму, будет иметь свое место в великолепном северном портале, главном входе в здание. Попытки поднять Восточного портика достоинства πρόστασις ἢ πρός τοῦ θυρώματος являются неудовлетворительными. Так, Пенроуз (*указ. соч.*, стр. 95): "Может показаться трудным объяснить, почему самый великолепный портик должен вести к второстепенному святилищу, но восточный портик с его шестью колоннами, хотя и меньшего диаметра, едва ли имел меньшее

значение, если вообще имел его, и дверной проем не мог сильно уступать ему по ширине и высоте.... Разница в уровнях также, очевидно, придает преимущество восточному участку ". Эти соображения не уменьшают сложности и не уменьшают выдающегося великолепия северного крыльца. Помимо требований текста Павсания, следует отметить еще один момент. С северного крыльца был дверной проем, ведущий в Пандрозеум. Таким образом, северный притвор открывал доступ к теменосу, но, согласно современной теории, не к восточной целле Афины.

Во внутренней комнате, где Павсаний увидел колодец, он, должно быть, нашел дверь, вторую из двух, упомянутых в надписи Чандлера, которая вела в восточную целлу (рис. 7). Когда он увидел находившиеся там предметы, он вернулся по своим следам мимо колодца и знака трезубца и вошел через маленькую дверь в западной стене, Пандрозеум, где стоял храм, который назывался $\sigma\upsilon\nu\epsilon\chi\eta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \nu\alpha\tilde{\omicron}\ \tau\eta\varsigma\ \text{Ἀθηνᾶς}$. То, что Павсаний, приближаясь к Эрехтеуму, называет его ΡῆχθΕἶον , а затем, уходя, называет его $\nu\alpha\delta\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \text{Ἀθηνᾶς}$, не только вполне соответствует той стилистической тенденции, которую Роберт назвал *oratio variata* (*Pausanias als Schriftsteller* s.v.), но и имеет простое и естественное объяснение. Первым названием храма было название западной части, в которую он вошел первым и обнаружил, что она двойная; последнее название было у восточной части, которую он посетил последней. Название для целого было определено той частью, которая занимала наиболее заметное место в его мыслях в то время. Он не дает ни малейшего намека на то, что Афина имела какое-либо участие в храме, пока не опишет содержание $\delta\iota\pi\lambda\omicron\upsilon\nu\ \omicron\iota\kappa\eta\mu\alpha$. Собственно говоря, западная часть здания называлась Эрехтеумом, а восточная - храмом Афины; но название обеих половин распространилось на все здание в целом, что является естественной тенденцией, давшей Парфенону его название, и легко объяснимо в случае с Эрехтеумом ввиду традиционной близости двух божеств, описанных у Гомера. Когда Павсаний говорит о толосе в Эпидавре во второй раз, он называет его не этим именем, а $\omicron\iota\kappa\eta\mu\alpha\ \pi\epsilon\tau\epsilon\phi\epsilon\rho\epsilon\varsigma$. Что касается собаки Филохора, то можно просто поверить, что это существо прошло через собственно Эрехтейон в Пандрозеум (Петерсен, *указ. соч.*, стр. 143).

Одно время выдвигалась теория о том, что лестница обеспечивала сообщение между западной целлой и более высокой восточной целлой, но несколько соображений подтверждают тот факт, что у них был общий уровень. Убедительным аргументом является то, что в скале нет выемок для поперечной стенки между двумя ячейками, хотя эта скала лежала всего на 1-1,50 м ниже основания стены. На его шероховатых и наклонных поверхностях (рис. 9) нет ни единого следа основания для фундамента, которого требовала бы предполагаемая тяжелая поперечная стена. На скале нет никаких признаков подготовки к закладке фундамента. Утверждение о том, что концы скалы были отломаны, абсурдно. Фундаменты наружных стен спускаются вниз и покоятся в таких слоях, иллюстрацией чего является западная стена. Те, кто считает, что тяжелая поперечная стена поддерживала балки крыши, помимо того, что служила стеной террасы для западной целлы, которая на 3 м ниже восточной, похоже, не думали, что для такой стены потребуется хорошо вырубленное ложе в скале. Теперь восточная стена, самая тонкая в здании, имеет фундамент, который, хотя и состоит из восьми рядов тяжелых пористых блоков, покоится в глубоких выемках в скале. Под одним блоком самого нижнего русла находится меньший блок порося, который также находится в глубоких выемках в скале. Почему восточная внутренняя поперечная стена также не имела вырубленного в скале ложа для нее, тем более что ее основание было таким неглубоким, всего два или три ряда порося, а не восемь, как в случае с восточной стеной? Единственный участок внешней стены, который не опирается на выемки в скале, - это участок в юго-западном углу, но там несколько проходов под перемычкой двери опирались на какой-то культовый предмет, который делал невозможным нормальный фундамент, в то время как вес над перемычкой опирался на тяжелый блок в западной стене и прочно укрепленную стену к востоку от двери.

Сторонники принятого плана Эрехтеума должны объяснить поразительную несогласованность конструкции, представленную двумя внутренними поперечными стенами. Западная стена-экран (D'Uge, *The Acropolis of Athens*, стр. 202), которая простиралась всего на пять уровней выше ортостатов и не поддерживала никакого другого веса вообще, имела фундамент, частично

опирающийся на выемки в скале, в то время как восточная внутренняя стена, доходившая почти до потолка, выдерживала его вес, помимо того, что имела характер стены террасы, имела фундамент, который опирался только на грубую и наклонную скалу. Как можно объяснить это несоответствие?

Непоследовательности избежать невозможно. Логический вывод из фактов - это тот, который делает Павсания понятным. Восточная поперечная стена не могла доходить до потолка, за исключением торцов, где блоки входили в боковые стены и разделяли их фундамент. Вывод о том, что эта стена по всей своей длине должна была быть такой же высокой, как следы на боковых стенах, совершенно излишен. За исключением торцов, эта стена была такой же высокой, как и другая перегородка, и как будто не выдерживала никакого веса. Пилястры уменьшали пролет в тридцать футов примерно на два фута, а вместе с внешними стенами служили опорой для тяжелой поперечной балки. Настенные пилястры не являются чем-то неизвестным в греческой архитектуре, что доказывают храмы Аполлона в Бассах и Гереум в Олимпии (Фрейзер, *указ. соч.*, III, стр. 589).

Павсаний вошел в целлу Афины из целлы Эрехтея, не поднявшись ни на ступеньку. Поскольку все внутренние покои Эрехтеума располагались на том же уровне, что и северный портал, нет необходимости утверждать, что он должен был войти в Athena cella первым, придя с востока. В идеальном соответствии с новым планом внутренних дел-это простая последовательность топографические обозначения в описании: (1) πρὸ τῆς ἐσόδου, (2) ἐσελθοῦσιν, (3) ἔνδον (διπλοῦν γὰρ ἐστὶν τὸ οἶκμα), (4) ἀγιώτατον ἄγαλμα (ср. МФ. νεὸς ὁ ἐν ᾧ τὸ ἄγαλμα ἀρχαῖον), (5) τῷ ναῷ τῆς δὲ Ἀθηνᾶς Πανδρόσου ναὸς συνεχής.

Но как быть с выступающими поросовыми фундаментами восточной и южной стен и незаконченной поверхностью северной стены, которые всегда с готовностью подтверждали теорию о более высоком уровне целлы Афины? Конечно, их не было видно. Они, должно быть, были спрятаны за мраморными полками на севере и юге, а также за мраморными полками и ступенями на востоке (рис. 7). Строители Эрехтея были экономны, используя фундаменты перистиля Гекатомпедона, насколько это было возможно, а затем добавляя блоки порося для завершения фундамента южной стены своего храма. В мраморной стене за южной полкой было не больше необходимости, чем в мраморном полу под пьедесталом статуи в Парфеноне. Эти полки были удобны для выставки множества предметов, хранящихся в целле, которая была религиозным музеем. Поверхность мраморных стен не сохранилась на достаточной высоте, чтобы показать, были ли какие-либо следы контакта с верхней частью полки, точно так же, как они не могут однозначно свидетельствовать о наличии пола на более высоком уровне.

В этой связи следует отметить своеобразный вырез в ортостатической части в юго-восточном углу храма. Вырез выполнен под внутренним углом и выполнен таким образом, чтобы ортостатическое положение можно было установить в этом месте на горизонтальной поверхности, обращенной внутрь. Была ли эта горизонтальная поверхность уровнем пола? Был ли пол восточной кельи приподнят на одну ступеньку над порогом, как говорит Д'Уге (указ. соч., стр. 207)? Это маловероятно, потому что уровень пола тогда был бы выше основания ортостатов. Горизонтальной поверхностью была верхняя часть полки, поскольку ее вертикальная плоскость имела бы выступы той же высоты, что и у обычных стеновых блоков. Существует римский блок длиной 10 футов и высотой 1½ фута, который христиане повторно использовали в качестве основного камня иконостаса, когда преобразовывали Эрехтеум в церковь. У него была какая-то лепнина в основании, которую христиане вырезали. Этот длинный блок, вероятно, составлял часть нижнего ряда облицовки полки. The fact that its dimensions are those of the γογγύλος λίθος ἄθετος, ἀντίμωρος ταῖς ἐπικρανίτισιν μέκος δεκάπλος ὕψος τριῶν ἐμπεδίων (I. G., I, 322, col. 1) вызывает подозрение, что римский блок просто заменил греческий, который по своему положению у основания стены "соответствовал" ἐπικρανίτιδες наверху.

Исследование фундамента восточной стены выявляет интересное состояние, которое непонятно, если бы уровень пола в целле Афины был выше, чем в западной целле. В северо-восточном углу мраморный блок северной стены обрезан до линии западной грани фундамента порога (рис. 10). Если мраморная глыба была погребена под полом, почему она была так тщательно отделана? Можно предложить объяснение, что резка была произведена, когда храм перестраивался в церковь. Но резьба выполнена более тщательно, чем резьба, выполнявшаяся в то время в Эрехтее. Когда восточную перегородку убрали, на боковых стенах остались грубые следы от нее. Обработка рассматриваемого блока отличается греческой тщательностью, и резка, вероятно, была произведена для получения облицовочной плиты из мрамора, которая скрывала фундаментные блоки восточной стены.

Рисунок № 10
им. Н. угол целлы Афины

Есть еще одна серьезная трудность на пути тех, кто считает, что восточная целла имела более высокий уровень развития, чем западная. Южная стена храма имела ортостаты снаружи, но не имела их внутри, где их место занимали стеновые блоки обычной высоты. Эти стеновые блоки были легко вырваны и с тех пор полностью исчезли. В западной камере ортостатические положения были бы нелогичны, потому что они находились бы высоко над уровнем пола, но в восточной целле, если бы она была на уровне восточного крыльца, использовались бы ортостатические положения. Поскольку за ортостатами южной стены в западной целле были стенные блоки, разумно было бы ожидать ортостатов за стеновыми блоками в северной стене восточной целлы, при условии, что целла находилась на уровне восточного крыльца. Но абсолютно точно, что этого не было. Зубчатая форма ортостата в северо-восточном углу храма показывает, что он соприкасался с двумя рядами стеновых блоков одинаковой высоты в северной стене. Таким образом, в восточной целле, если она располагалась на уровне крыльца, странным образом отсутствовали внутренние ортостаты в северной и южной стенах. Но если эта целла лежала на уровне западной целлы, то недостаток сразу становится понятным. Отсутствие ортостатических опор на предполагаемом более высоком уровне пола восточной целлы в сочетании с отсутствием каких-либо вырубков для фундамента стены между целлами доказывает теорию, которая идеально согласуется с простой последовательностью в описании Павсания.

Теория об одном уровне внутри Эрехтеума, по-видимому, противоречит найденным Стивенсом доказательствам наличия двери в восточной стене (А. J. А., 1906, стр. 58 и далее). Противоречие не является необходимым, поскольку лестничный пролет в восточном конце целлы Афины вполне

возможен. Строительство апсиды для церкви в восточной части храма потребовало демонтажа ряда фундаментных блоков, которые могли свидетельствовать о ступеньках. Однако вполне возможно, что фундаменты для ступеней, которые не нуждались в вырубке в скале, были просто заложены, а не вбиты ключом в фундамент восточной стены. Лестница нарисована на плане (рис. 7). Идея лестничной площадки в восточном конце целлы проиллюстрирована храмом в Дидиме. Восточная дверь Эрехтеума не была обычным, не предназначенным для входа в целлу Афины, но служила традиционным восточным входом, к которому был обращен хоанон. Павсаний, как и другие посетители, введенные $\pi\rho\acute{o}\sigma\tau\alpha\iota\varsigma\ \eta\ \pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\theta\rho\acute{o}\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$, главный вход в храм.

Интересно отметить некоторые свидетельства, свидетельствующие о том, что в период до того, как Эрехтеум был преобразован в христианскую церковь, внутри здания не было разницы в уровнях, а именно массивы бутовой кладки, которые располагались близко к северной стене на примерно равном расстоянии от восточной поперечной стены. Они прочно опираются на скалу и доходят почти до основания ортостатов. У них нет аналогов вдоль южной стены. Стена-экран северного придела церкви возвышалась прямо над одной из месс. Ее порог все еще на месте. Эти тяжелые фундаменты и внутренние продольные стены церкви не могут быть современными. Последних было достаточно, чтобы выдержать вес крыши церкви; а перегородка в проходе, поскольку она частично опирается на земляную насыпь, показывает, что тяжелый фундамент из бутовой кладки под ним перестал служить какому-либо назначению после того, как церковь была построена. Он находился там до этого времени и, следовательно, должен был быть заложен в римский период, когда уровень внутри храма был таким же.

Любое обсуждение изготовления этой массы камней и строительного раствора не имеет отношения к вопросу о ее дате и о пороге, указанном выше. Дело в том, что масонство возникло раньше, чем христианская церковь, и это весьма смущает сторонников более высокого уровня для восточной целлы в период до преобразования храма в христианскую церковь. Таким образом, этот фундамент совершенно понятен в свете теории о том, что во времена греции внутри храма был всего один уровень. Какова была цель этой каменной кладки, неясно. Солидный характер массивов наводит на мысль, что они были фундаментами для опор или столбов, которые доходили до верха соседней стены и вместе с ней поддерживали тяжелые поперечные балки, перекинутые через целлу с севера на юг. Возможно, эта идея пришла к римлянам от греческой пилястры, которая, как отмечалось выше, находилась примерно посередине между массивами бутовой кладки. Таким образом, это, по-видимому, было приспособление для уменьшения пролета от северной до южной стены. Тот факт, что эта кладка была заложена до периода строительства церкви, имеет гораздо большее значение, чем ее назначение.

Новый план Эрехтеума интересен в свете надписи Чандлера. Если кто-то считает, что великолепное северное крыльцо определяет фасад здания, то первая комната является удовлетворительной $\pi\rho\acute{o}\sigma\tau\omicron\mu\iota\alpha\iota\omicron\nu$ и находится перед ($\pi\rho\acute{o}$) * $\sigma\tau\omicron\mu\iota\alpha\iota\omicron\nu$, в котором находился важный объект культа, $\phi\rho\acute{\epsilon}\alpha\rho$ ($\sigma\tau\acute{o}\mu\iota\omicron\nu$). Может быть установлена следующая пропорция: $\pi\rho\acute{o}\nu\alpha\omicron\varsigma : \nu\alpha\acute{o}\varsigma :: \pi\rho\acute{o}\sigma\tau\omicron\mu\iota\alpha\iota\omicron\nu : * \sigma\tau\omicron\mu\iota\alpha\iota\omicron\nu$. Предполагается, что $\pi\rho\acute{o}\sigma\tau\omicron\mu\iota\alpha\iota\omicron\nu$ и * $\sigma\tau\omicron\mu\iota\alpha\iota\omicron\nu$ были официальными названиями в пятом веке двух покоев $\delta\iota\pi\lambda\omicron\upsilon\nu\ \omicron\iota\kappa\eta\mu\alpha$ Павсания.

Порядок, которому следовали комиссары в своем отчете о недостроенных внутренних стенах, был следующим: в первой комнате, куда вошли со стороны $\theta\upsilon\rho\omega\mu\alpha$, $\pi\rho\acute{o}\sigma\tau\omicron\mu\iota\alpha\iota\omicron\nu$, 12 четвероногих быликк $\alpha\tau\acute{\alpha}\chi\sigma\epsilon\sigma\tau\alpha$. Фраза $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\tilde{\omicron}\ \pi\rho\acute{o}\sigma\tau\omicron\mu\iota\alpha\iota\omicron\phi$ подтверждает теорию о том, что имеется в виду больше стен, чем одна. Затем во внутренней камере 3 тетрапода $\pi\alpha\rho\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\varsigma$,^[7] т.е. та часть перегородки к востоку от двери в западной целле. Затем в третьей комнате 6 (?) тетрапод стены $\pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\acute{\alpha}\lambda\mu\alpha\tau\omicron\varsigma$. Порядок, в котором помещения осматривались на предмет недостроенных стен, соответствовал порядку, в котором Павсаний описывал их содержимое.

И снова новый план соответствует списку сокровищ 306/5 года до н.э. (I.G., II,² 733). Примечательной особенностью надписи является то, что в ней упоминаются три $\pi\alpha\rho\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma$, сначала отдельный, а затем пара из них, по одному с каждой стороны двери. Единственное

παρὰς, о котором следует упомянуть в первую очередь, - это снова та часть перегородки к востоку от двери в западной целле. Эта дверь находилась у западного конца стены, так что пространство между ней и западной стеной храма было ничтожно малым. Таким образом, для того, кто входил через эту дверь, слева было παρὰς, но справа его не было. Однако, когда он вошел в ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς через дверь, которая находилась немного южнее середины стены (и напротив двери в западной стене храма), слева от него, а также справа, было παρὰς. παρὰς δὲς - это внутренние стены по обе стороны от двери, которая в Эрехтее поднималась всего на пять ступеней выше ортостатов. Картины, которые Павсаний нашел в первой комнате, подтверждают мнение, что сокровища, висевшие на парасте, находились на южной стороне этой стены, то есть во второй комнате διπλοῦν οἴκημα. Есть ли какой-то порядок в перечислении сокровищ - это вопрос. Если есть, то это, естественно, начинается с сокровищами впервые увидел после выхода из πρόστασις ἢ πρὸς τοῦ θυρώματος, просто как запись комиссаров в случае внутренних стен начинается с Стены в первой комнате, как и описания Павсания начинается с содержанием первого номера. Это совпадение примечательно и не относится ни к одной другой теории о храме.

Необходимым следствием этой интерпретации является то, что некоторые сокровища находились в западной части Эрехтеума. Возможно, тогда что-то может быть сказано для scholiast на Аристофан, *Плутус*, 1183 (значение οἶκος для τοῖχος и имея в виду διπλοῦν οἴκημα Павсаний описание): ὀπίσω τοῦ τῆς νεῶ καλουμένης Πολιάδος Ἀθηνᾶς διπλοῦς οἶκος (τοῖχος) ἔχων θύραν, ὅπου ἦν θησαυροφυλάκιον. Слова ἔχων θύραν предполагают, что схолиаст хотел провести различие между διπλοῦς οἶκος, две части которого были соединены дверью, и другим типом, две части которого не были соединены таким образом, а входили отдельно извне. Павсаний, кажется, приводит пример последнего во II, 25, 1. Уайт (*Гарвардские исследования*, том. VI, стр. 39) относит схолию к восстановленной западной части Гекатомпедона, но не обсуждает значение ἔχων θύραν, которое Михаэлис не смог объяснить. В так называемом opisthodomus Уайта, к какой двери из трех возможных относится схолиаст? Три камеры его opisthodomus не удовлетворяют требованиям а διπλοῦς οἶκος, прочтения, которое он принимает (указ. соч., стр. 4, примечание 3). Более разумное толкование, что scholiast имел в виду западной целлы храма эрехтеон, в котором некоторые сокровища, казалось, было помещено, и что он использовал слова νεῶς καλουμένης Πολιάδος Ἀθηνᾶς в более строгом смысле, так как Павсаний назвал Восточной целлы ναὸς τῆς Πολιάδος (II. 27. 1), и рассматривает διπλοῦς οἶκος как лежащий за ней. Знак νεῶς τῆς Ἀθηνᾶς был ориентирован на восток, а то, что находилось непосредственно на западе, находилось за ним. Но не следует предполагать, что западная целла Эрехтеума когда-либо называлась opisthodomus. Однако схолиаст, по-видимому, имеет в виду древнейший храм Афины.

Есть, возможно, незначительный момент, который заслуживает отдельного слова. Одна из картин, изображающая Эрехтея, управляющего колесницей, была написана, согласно схолиасту Аристиду, I, 107, 5, позади богини. Возможная интерпретация состоит в том, что картина находилась в целле Афины на стене за хоаном, но картины Бутеды находились в первой комнате, в которую вошел Павсаний. Если только роспись Эрехтея не была отделена от росписей Бутеды, то новое расположение интерьера позволяет удовлетворительно решить эту проблему. Восточная стена комнаты, на которой были изображены Бутеды, находилась позади богини. Согласно старому плану, Павсаний нашел картины в западной камере διπλοῦν οἴκημα, то есть между ними и стеной, у которой стоял иоанон, находилась камера. Этот отрывок может означать, что на картине Эрехтея появился позади Афины, управляющей колесницей (Петерсен, *Jb. Arch. Inst.*, 1902, с. 64; *Бургтемпель*, с. 110). В последовательности слова в предложении, ἐν τῇ ἀκροπόλει ὀπίσω τῆς θεοῦ, вторая фраза, похоже, более точное определение места, чем это сделано в первую очередь. Кроме того, местоположение определялось по отношению к иоанону. Внутренняя стена была расположена по отношению к нему, τὸ πρὸς τὸ γάλατος. В scholiast на Аристофан, *всадников*, 1169, интересно в этой связи, потому что он показывает, какую часть статуи могли играть в назначении храма: εἰσὶν δύο ἐπὶ τῆς ἀκροπόλεως Ἀθηνᾶς ναοί, ὁ τῆς Πολιάδος καὶ ἡ χρυσελεφαντίνη.

В свете нового расположения внутри Эрехтеума ссылка Витрувия (IV, 8, 4) на храм становится более понятной. Говоря об этом и других храмах, он говорит: "келлии с продольными дубликатами солнца и широтных имп-реликвий, которые всегда являются единственными во фронтибусе и латерализуются солнцем" (Петерсен, *Бургтемпель*, стр. 144). Если бы целла Афины была полностью отделена от целлы Эрехтея и находилась на более высоком уровне, он не смог бы разумно сказать о целле храма, что она была в два раза длиннее и шире, чем другие храмы. В таком случае кельи Афины и Эрехтея следовало рассматривать отдельно. В новом плане такое утверждение применимо с большей силой, поскольку низкими перегородками можно было бы легко пренебречь. Второе утверждение показывает, что Витрувий рассматривал восточный фасад храма как переднее и обычное место входа, но что это и более продуманное крыльцо были перенесены в случае с Эрехтеумом на то, что должно было стать боковой частью других храмов. Как говорит Петерсен (*указ. соч.*, стр. 143), слова "columnis adiectis dextra ac sinistra ad umeros pronai" являются четкой ссылкой на северное крыльцо. Это слишком по-видимому πρόναος что Лукиан упоминает в Пискатора, 21: ἐνταῦθα πού τῆς ἐν τῷ προνάῳ πολιάδος δικάσωμεν. Ἡ ἱέρεια διάθες ἡμῖν τὰ βάθρα, ἡμεῖς δὲ ἐν τούτῳ προσκυνήσωμεν τῇ θεῇ. Такая интерпретация прекрасно согласуется с основополагающим утверждением о том, что πρόστασις ἢ πρὸς τοῦ θυρώματος определяет передней части здания.

Теория, изложенная на вышеприведенных страницах, полностью согласуется с описанием у Павсания. Это подтверждается свидетельствами надписей и самого здания, насколько это возможно. Серьезная критика принятого плана Эрехтеума заключается в том, что все теории, основанные на нем, расходятся с письменными свидетельствами, причем не с одним письменным свидетельством более позднего периода, таким как простое повествование Павсания, а с другим свидетельством столетиями ранее, а именно с современной официальной надписью. Исследователи пытаются решить проблему после того, как признают восстановленный интерьер достоверным. Лейтмотив нынешней теории заключается в том, что внутреннее убранство храма было слишком сильно разрушено, чтобы можно было с абсолютной уверенностью утверждать о какой-либо реставрации на основании свидетельств только о здании, и что все доступные доказательства должны быть использованы одновременно для определения правильной реставрации.

IV

ЭРЕХТЕЙОН, КАК И ПЛАНИРОВАЛОСЬ

Вопрос о первоначальном плане Эрехтеума, естественно, вытекает из интерпретации здания в том виде, в каком оно было построено. То, что западная стена планировалась на ее нынешнем месте, кажется невероятным по ряду причин. Северный притвор непропорционален помещению, в которое он открывается, и, выходя за пределы западной стены храма, частично становится притвором на открытую территорию. Западный фронт имеет колонны и кариатиды на разных уровнях (Дерпфельд, *Ath. Mumm.*, 1904, с. 101). Неприятный эффект этого различия не могли скрыть стены Пандрозеума, южная из которых доходила до парапета крыльца дев. Последнее крыльцо иллюстрирует мастерство архитектора в сокрытии различий в уровнях. Уникальная закрытая стена, на которой стоят девушки, была его приспособлением для сокрытия от посторонних глаз двери, которая находилась ниже уровня крыльца и относилась к интерьеру, в то время как крыльцо принадлежало экстерьеру. Архитектор, разместив вход на крыльцо в северо-восточном углу вплотную к стене, полностью скрыл наличие низкой двери. Благодаря такой заботе о том, чтобы скрыть разницу в уровнях, западная сторона храма заметно контрастирует.

Северо-западный угол западной целлы отличается двумя особенностями. Западный косяк двери врежется на 3½ см в западную стену храма. Это наводит на мысль о скученности и удовлетворительно объясняется состоянием фундаментов, приведенных ниже. Фундамент

западной стены не совпадает с фундаментом северной стены (рис. 11), и этот факт, по-видимому, доказывает, что при закладке последнего фундамента в намерения архитектора не входило размещать фундамент на линии нынешней западной стены и втискивать дверной косяк в эту стену.

Симметричного внешнего вида, предложенного проф. Дерпфельд в том, что северная и южная двери имеют одну и ту же ось, заключается предположение, в то время как кариатидное крыльцо - нет. Крыльцо, похоже, было немного сдвинуто к востоку от его предполагаемого места, чтобы оно не выступало за пределы западной стены, но недостаточно далеко, чтобы карниз крыльца не выступал так сильно.

Сама западная стена свидетельствует об отказе от первоначального плана. В качестве введения давайте сравним восточный фасад, который является греческим, с западным фасадом, часть которого над замкнутой стеной является римской (*Arch Athenarum*, стр. XXV, D, и A. J. A., 1906, стр. VIII). Окна в восточной стене, которые Стивенс определил с точностью, были расположены на высоте четырех обычных пролетов над лепниной основания и двух пролетов от верха стены, точно так же, как римские окна в западной стене. Второй ряд над восточными окнами представлял собой лепнину, соответствующий ряд над западными окнами прост, вероятно, из-за соседних капителей. Под обоими рядами окон располагались три ряда блоков. В восточной стене ортостатические положения были оправданы, в западной стене они были бы нелогичны, потому что ни с одной из сторон не было пола, но там были размещены три яруса, равные по высоте четырем обычным ярусам. Стивенс показал, что восточные окна имели высоту в семь ярусов, включая перемычку. Западные окна имеют высоту в пять ярусов. Объяснение разницы в высоте простое. Восточная стена имела тринадцать ярусов в высоту, западная - одиннадцать. Западные окна были на два ряда короче, чтобы они и их аналоги, восточные окна, могли находиться на равном расстоянии от основания стены, а именно четырех обычных окон, и от верха стены, а именно двух окон. Тот факт, что подоконники греческих окон были на метр ниже римских, не имеет никакого значения. Очень важным фактом является то, что восточные и западные окна занимали одинаковое относительное положение на фасаде. Стилобат западного фасада не мог быть расположен так низко, как восточный, из-за двери и необходимости установки тяжелого блока высотой в три ряда на южном конце стены. Этот блок нельзя было поместить ниже из-за Кекропия (= храма Пандроса?) который пересекал линию стены, судя по вырубкам в ней под тяжелым блоком. Если бы архитектор хотел, чтобы восточная и западная колоннады были одинаковой высоты, он был бы вынужден разместить стилобат западной на два ряда ниже. Это сделало бы невозможным размещение двери в этой стене, что было необходимо, вероятно, по культовым соображениям.

Рис. 11

внутренних дел северо-западный угол храма эрехтеон. Современная каменная кладка под N. концом W. стены

Поэтому во времена римской Империи западные окна располагались с особой привязкой к восточным. Между колоннами в каждом случае были окна, два в восточной стене с дверью между ними, три в западной, где дверь была невозможна. Оба фасада были увенчаны эпистилем, фризом и фронтоном. Стена под западной колоннадой заменяла более высокий уровень земли на восточной стороне. Римляне, которые ремонтировали стену, отремонтировали ее с привязкой к восточному фронту. Для них западный фасад был просто комбинацией стены с окнами и колоннады. Если только у греков не было западного фасада из колонн и стены с окнами, по сути, похожего на римскую реставрацию, мы вынуждены сделать странное предположение. Греческий архитектор задумал объединить стену с колоннадой в одной плоскости, а затем вместо того, чтобы довести свою идею до конца, вставил деревянную решетку в межэтажных перекрытиях над низкой стеной из трех рядов, решетку, которая ничему не соответствует на восточном фасаде, а затем предоставил римлянам использовать его идею, разместив там три окна.

Единственным препятствием к совершенно естественному предположению, что римляне восстановили основные черты западной стены такой, какой она была во времена Греции, является свидетельство современной надписи (I. G., I, Дополнение., 321. col. B III, 18), что один общий плотника была выплачена сумма в размере 40 доктор. для "ограждения" (διαφάρχσαντι) четыре intercolumniations на стене к Pandroseum: διαφάρχσαντι τὰ πρὸς τὰ ὄντα μετακίονια τέτταρα το Πανδρῶσεῖο. Общепринятая интерпретация этого отрывка заключается в том, что деревянная решетка была окончательной формой западной стены и оставалась таковой до римских времен. Возражение против такой интерпретации состоит в том, что тогда мы должны полагать, что

греческий архитектор запланировал деревянную решетку для мраморного здания в стене, подверженной воздействию стихий, где время от времени требовался ремонт, и что только в римский период произошел переход на более долговечный мрамор. Вполне вероятно, что деревянная решетка была лишь временной и вскоре была заменена стеной с окнами. Какой бы ни была интерпретация надписи, факт остается фактом: нынешняя форма западной стены представляет собой реставрацию, произведенную с намеренной привязкой к восточному фасаду. Это тщательно изученная реставрация, которая далека от того, чтобы быть произвольным творением 4 века нашей эры, как считал Пенроуз (*op. cit.*, стр. 93), слишком оригинальна для римского периода. Имитация - римская, идея - греческая. Та же идея выражена в Сидонском саркофаге скорбящих женщин, аттической работе около 350 г. до н.э. Иллюзия, создаваемая саркофагом, - это иллюзия женских фигур, стоящих между колоннами перистиля храма (Хамди Бей-Райнах, *Королевская школа Сидона*, стр. 241). Западный фасад в греческие времена, как и в римские, представлял собой просто сжатие в одной плоскости колоннады и стены — сочетание, к которому архитектора вынудило сокращение его плана.

Почти наверняка первоначальный план архитектора предусматривал строительство здания с восточным и западным портиками, равноудаленными от северного крыльца, как утверждает профессор. Дерпфельд. Восточный и западный фасады должны были быть абсолютно одинаковыми, но, поскольку религиозный консерватизм не позволил строить на местах Кекропиума и Пандрозеума и, таким образом, вынудил отказаться от западной половины первоначального здания, архитектор все же стремился сохранить сходство восточного и западного фасадов. Поскольку он не смог построить свой проектируемый западный портик на линии, к которой был вынужден вернуться, он разработал в качестве замены идею размещения всех основных элементов своего западного портика в одной плоскости — основания колонн и лепнина основания стены, колонны и стена с окнами, фризом и фронтоном. Низкая стена в самом южном межколонье, которая по какой-то причине не была полностью закрыта, имела высоту в три яруса. Северная межколонна была полностью закрыта, как во времена римской империи, а в центральных окнах окна выходили на три яруса, равные по высоте четырем обычным греческим ярусам.

Должно быть, именно стремление к близкому сходству между двумя фасадами помешало как греческим, так и римским архитекторам разместить четыре обычных ряда под западными окнами. Переход от блоков стандартной высоты привел к усложнению, поскольку в западной стене было одиннадцать обычных ярусов вместо двенадцати, что дало бы ровно девять ярусов более высоких блоков. Восточные окна были одновременно видны между колоннами из точек на оси двери (рис. 7). Естественно предположить, что таковыми должны были быть окна первоначального западного фасада. Сокращение плана, вынудившее архитектора разместить сжатый западный фасад на высоком цоколе, исключило дверь. Естественной заменой стало третье окно.

Эта теория относительно композиции западной стены предполагает интерпретацию необычной конструкции в верхнем юго-западном углу храма (А. J. А., 1908, стр. 191, рис. 2, и стр. 194, рис. 6; 1910, стр. 297, рис. 6). 3). Там южная стена была уменьшена до половины своей обычной толщины, и эта более тонкая стена примыкала с востока к метопону, который частично опирался на квадратную горизонтальную плиту. Цель этого метопона осталась неясной.

Как уже отмечалось ранее, архитектор намеревался закрыть южную и северную части западной стены, но ему помешали, очевидно, по какой-то религиозной причине. Теперь представляется весьма вероятным, что необычная конструкция на углу является результатом попытки возвести стену взамен той, которую нельзя было установить в южном межколонном пространстве. В пользу этого объяснения говорят два соображения. Во-первых, горизонтальная плита наклонена к отверстию. Определенной целью этого наклона было отвод дождевой воды. Во-вторых, следы на южной стене показывают, что метопон был одинаковой высоты с отверстием и выступал вдоль восточного края горизонтальной плиты. Эпистиль метопона, который фигурирует в реставрации

(А. J. A., 1908, рис. 6, стр. 196), является чисто гипотезой и может быть исключен. Но как далеко этот метопон проецировался в здание? Был ли он таким же обширным по ширине, как и по высоте с проемом? Расстояние, на которое метопон проецировался в здание, точно неизвестно. На реставрации оно указано как один фут, но это расчет, основанный на комбинации вероятностей. Очевидное условие защиты от попадания дождевой воды, если оно должно быть успешным, требует расширения метопона до внутреннего угла горизонтальной плиты. Но эта плита без опоры не могла нести мраморную метопону. Это трудность, которая, по-видимому, заставляет предположить, что метопон был частично сделан из более легкого материала.

Предполагаемый метопон, помимо защиты от дождя, также мог бы быть аналогом северной межколонной, если смотреть на фасад с запада. Увеличение веса из-за метопона и горизонтальной плиты потребовало уравнивающего уменьшения веса южной стены из-за ее ненадежного фундамента. Вкратце, идея заключается в следующем. Точно так же, как когда архитектору не разрешили разместить западный фасад там, где он хотел, и он отступил к линии, на которой ему было разрешено построить его в обязательно измененной форме, так и когда он не смог построить стену в южном межпросветлении этого фасада, он отошел еще дальше назад и построил замену на разрешенной линии. Полученный таким образом дополнительный вес был частично ответственен за истончение ненадежно укрепленной южной стены.

Это профессор . Теория Дерпфельда о том, что Кекропий вынудил архитектора разместить нынешнюю западную стену на 1 м. восточнее линии, на которой она должна была стоять по первоначальному плану (*Ath. Mitt.*, 1904, с. 105). Поэтому он рассматривает эту стену как внутреннюю стену первоначального симметричного храма. Выдвинутая здесь теория состоит в том, что западная стена - это первоначальный западный фасад, сжатый в одну плоскость и расположенный на линии, до которой архитектору было разрешено строить. Западная стена доперсидского Эрехтеума, по-видимому, находилась примерно на той же линии, если судить по изображению ее и оливы рядом в архаичной скульптуре на фронтоне, о которой уже упоминалось (Петерсен, *Бургтемпель*, стр. 22, abb. 2). Точно так же, как архитектор Пропилей планировал прорубить пеласгическую стену и построить на участке брауронской Артемиды, но когда он приступил к закладке фундамента, был остановлен у стены, так и современный архитектор Эрехтея спланировал симметричный храм, западная часть которого должна была занять место участка Пандроса и Кекропса, но когда он приступил к фактическому строительству, его остановил тот же религиозный консерватизм. Форма нынешней западной стены настолько похожа на первоначально запланированный западный фасад, насколько это мог сделать архитектор. Восточный и западный фасады должны были находиться на равном расстоянии от северного крыльца и от крыльца-кариатиды, которое нарушило бы монотонность длинной задней стены.

Обнаружив у западной стены сжатый фасад первоначально симметрично спланированного Эрехтеума, желательно выяснить, вызвало ли сокращение этого плана скопление культов внутри окончательно построенного храма. Уже было отмечено, что ощущение, которое создает северное крыльцо, заключается в том, что оно должно было быть и задумывалось как крыльцо для интерьера больших размеров, чем те, что представлены в настоящем плане. Теперь *таласса* и знак трезубца были неподвижны, но изображения Бутады и трех алтарей были подвижными. Вполне вероятно, что перегруженность западной половины нынешнего Эрехтеума была вызвана теснотой помещения с тремя алтарями Посейдона - Эрехтеем, Гефестом и Бьютом, а также росписями Бутады - помещения, которое по первоначальному плану должно было располагаться в западном конце симметричного храма (рис. 12).

В первоначальном Эрехтеуме в восточном конце, отгороженном перегородкой, должно было находиться святилище Афины Полиас. Западная палата Посейдона-Эрехтея, точная копия восточной, должна была получить алтари и картины. Промежуточный центральный зал, пропорции которого гармонировали с пропорциями северного притвора, должен был содержать *талассу* и священную оливу, что потребовало бы, чтобы храм был частично гипаэфральным.

Furtwängler (*Sitzb. Mün. Akad.*, 1904, с. 371) действительно справедливо возражает против теории Дерпфельда о том, что западная целла в первоначальном храме должна была быть *opisthodomus*, на том основании, что если восточная целла содержала божество, то западная тоже должна была быть. Более того, для тех, кто считает, что великолепное северное крыльцо определяет фасад Эрехтеума, западная целла должна была располагаться сбоку, а не в задней части храма. Внутренние настенные пилястры по обе стороны от дверей изначально предназначались для крепления тяжелых поперечных балок. В построенном храме восточная пара была поднята всего на пять ступеней выше ортостатов, то есть на высоту перегородок. Их достройка оказалась ненужной, когда строители решили встроить *καμπύλη σελίς*.

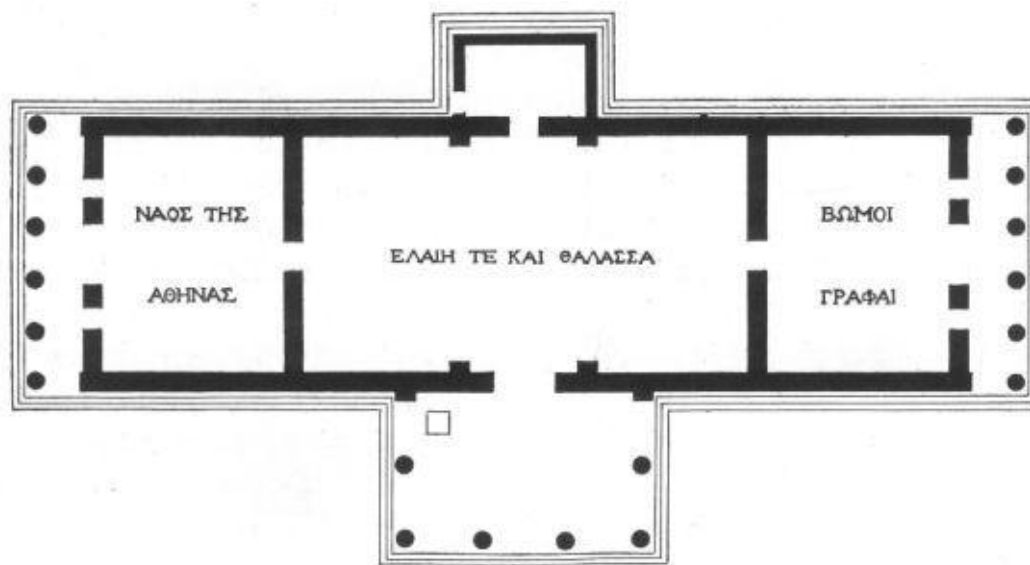

Рис. 12

первоначальному плану храм Эрехтейон.

Когда от этого первоначального плана пришлось отказаться, большая центральная камера не только уменьшилась в ширину, но и была разделена на переднюю и заднюю целлы. В первом из них, в который входили сразу с северного крыльца (ἐσελθοῦσι), были размещены три алтаря, а на стенах - росписи Бутаде. Во внутренней части целлы (ἔνδον) находились знак трезубца и *таласса*. Совершенно ясно, почему Павсаний не нашел двери, ведущей из первой камеры διπλοῦν οἴκημα в ναὸς τῆς Ἀθηνᾶς. По первоначальному плану, целла Афины и большая центральная палата жетонов были соединены дверью в середине их перегородки, в то время как кельи Афины и Посейдона-Эрехтея не должны были находиться в непосредственной близости. Эти отношения были сохранены в сокращенном плане. Значение двери в западной стене также простое. По первоначальному плану священное оливковое дерево и *таласса* должны были стоять в большом центральном зале, но по сокращенному плану святая олива была оставлена за пределами храма и в Пандрозеуме. Закрытая стена между двумя жетонами полностью разделила бы их. Они принадлежали друг другу, и дверь была плохой заменой общей комнате, но это было единственное возможное средство связи.

Северное крыльцо по первоначальному плану должно было вести как к *талассе*, так и к священной оливе, но в урезанном храме, который оставил оливу снаружи, оно могло вести непосредственно к последней, только пристроив маленькую дверцу в юго-западном углу. Чрезвычайная простота этой двери, лишенной такого простого украшения, как на южной двери, наводит на мысль, что по первоначальному плану она не должна была располагаться рядом с замысловатой северной дверью. Маленькая дверь, так же как и та, что в западной стене, не были характерными чертами первоначального Эрехтеума, и поэтому добавление какой-либо лепнины не сделало их присутствие более заметным.

Эта интерпретация, если она верна, подтверждает утверждение общего принципа, согласно которому греческий архитектор стремился, в случае сокращения своего плана, сохранить, насколько это возможно, существенные черты оригинала и отношения частей друг к другу. Строитель Эрехтея сохранил свой западный фасад в измененном виде и нашел место для западной целлы в уменьшенном центральном зале.

Первоначально планировавшийся Эрехтеум представлял собой совершенно симметричное сооружение. Великолепный северный портал должен был вести непосредственно в целлу знаков, по обе стороны от которой находились святилища божеств, которые боролись за землю Аттики. Сбалансированность структуры отражала бы баланс культов. Короче говоря, первоначальный Эрехтеум был архитектурным предложением, прекрасно иллюстрирующим *μὲν* и *δέ* греческие чувства. Вместе с Парфеноном и Пропилеями он должен был образовать группу симметричных памятников, венчающих афинский акрополь в стиле, достойном эпохи Перикла.

СНОСКИ:

[1] Крайне необходим чертеж фасада, видимый с этой точки.

[2] См. Dörpfeld, *Ath. Mitt.*, 1911, стр. 59, для последнего обсуждения борьбы.

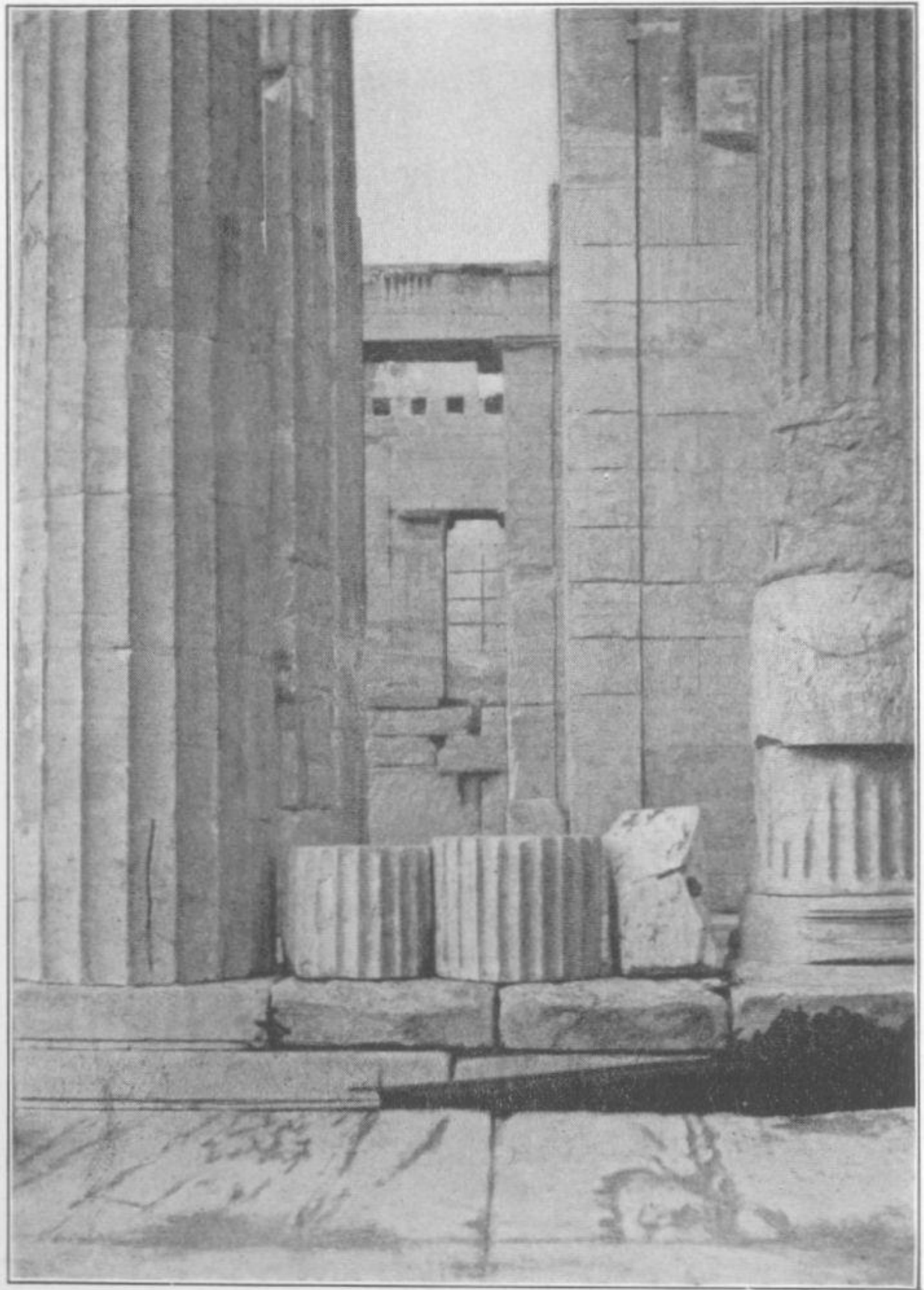
[3] Несколько известных фактов об Αγερηγοῖ удобно собраны Фрейзером, *указ. соч.*, II, стр. 344.

[4] Я в долгу перед доктором Л. Д. Кэски из Музея изящных искусств в Бостоне за фотографию. Он также очень любезно поделился со мной своими глубокими знаниями об Эрехтеуме в различных наводящих на размышления критических замечаниях. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить свое чувство долга.

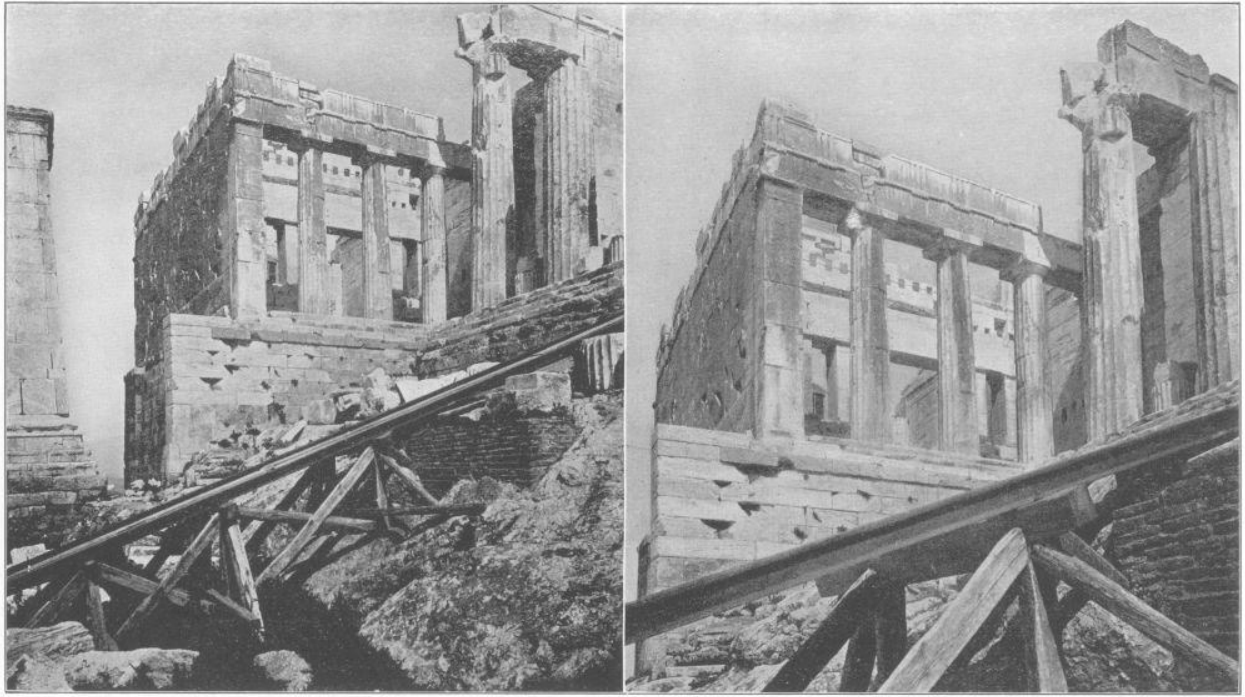
[5] Павсаний, по-видимому, ошибся, говоря о двух. Итак, Фрейзер, *указ. соч.*, II, стр. 574, примечание 6.

[6] Ср. диск с орнаментом в виде осьминога на платье одной из дев с диском, опубликованным Шлиманом, *Микены*, стр. 194, № 240.

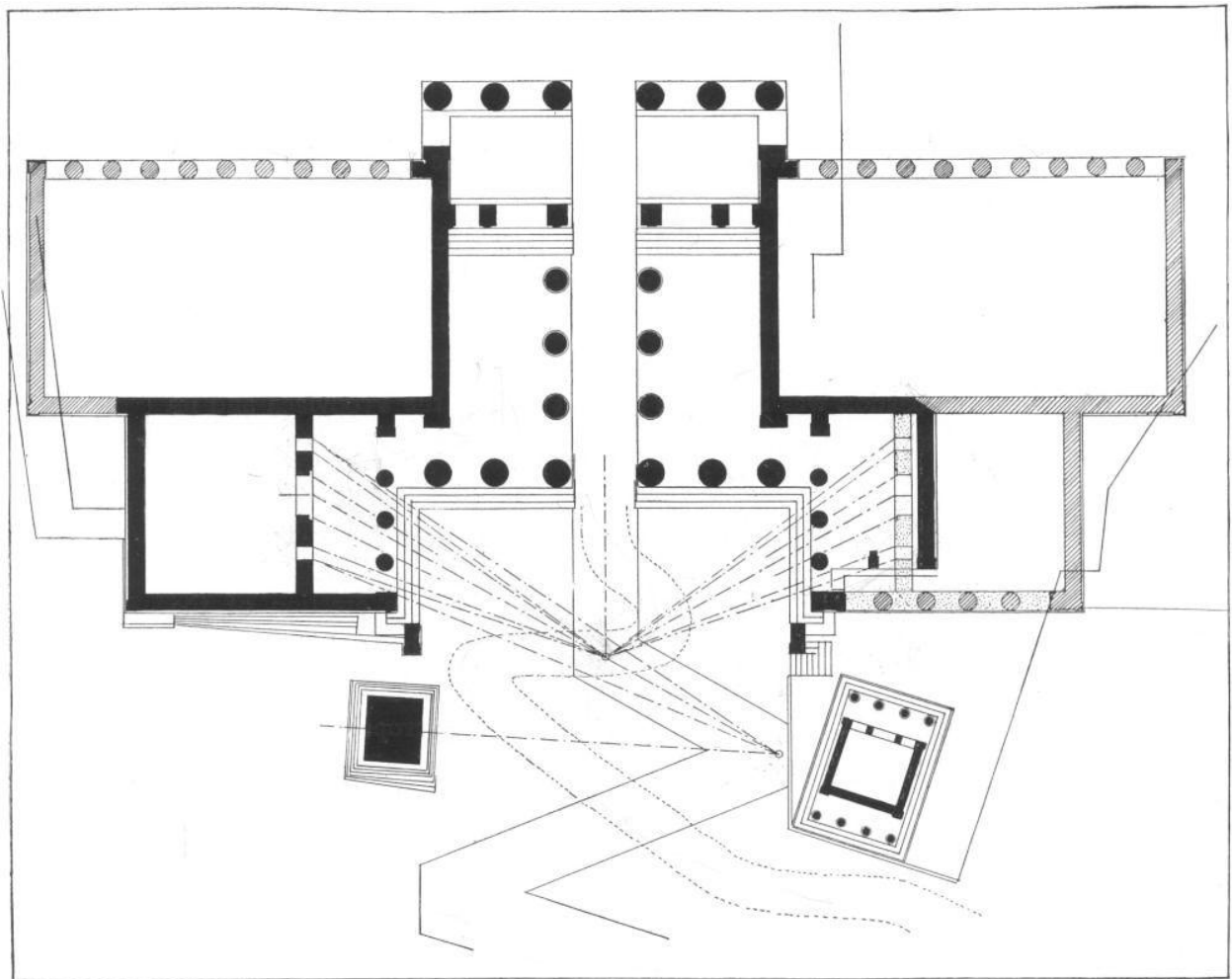
[7] Происхождение и значение термина *παράσταξ* понятно. *παράσταξ* - это то, что является дверью или проемом, то есть косяком. В этой связи важен отрывок из надписи, в котором даются технические характеристики арсенала Филона (*I. G. II, ^ 2 1054*). После прописывания размеры двери Арсенала, материал перемычки, надпись добавляет *παράσταδας στήσας λίθου πεντεληϊκοῦ* к. т. л. В *παράσταδες* явно дверные косяки, которые стоят *παρά* дверь. Благодаря легкому и незатейливому расширению это слово стало обозначать не только косяк, но и стену, частью которой он был.

[back](#)

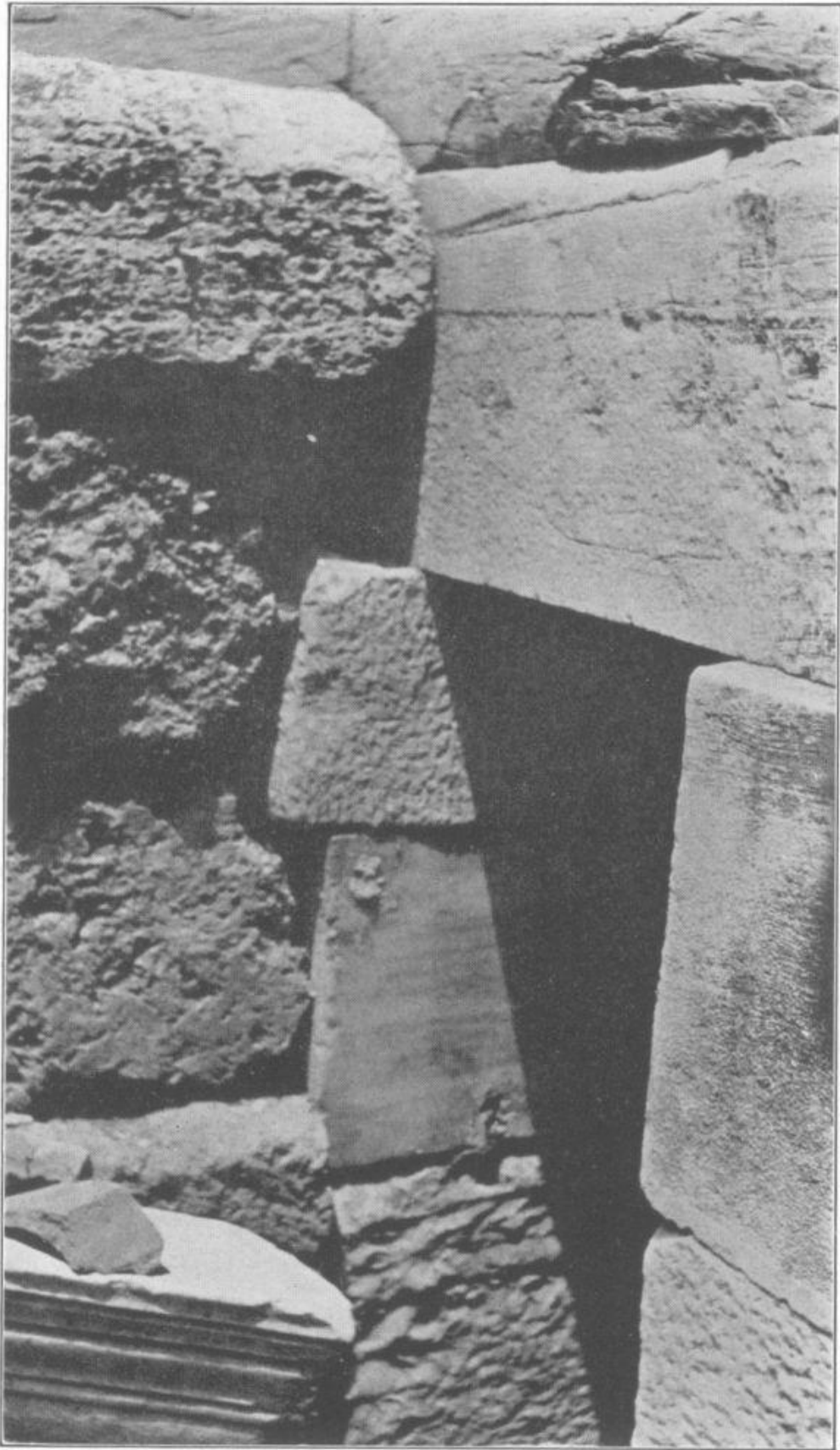
[back](#)

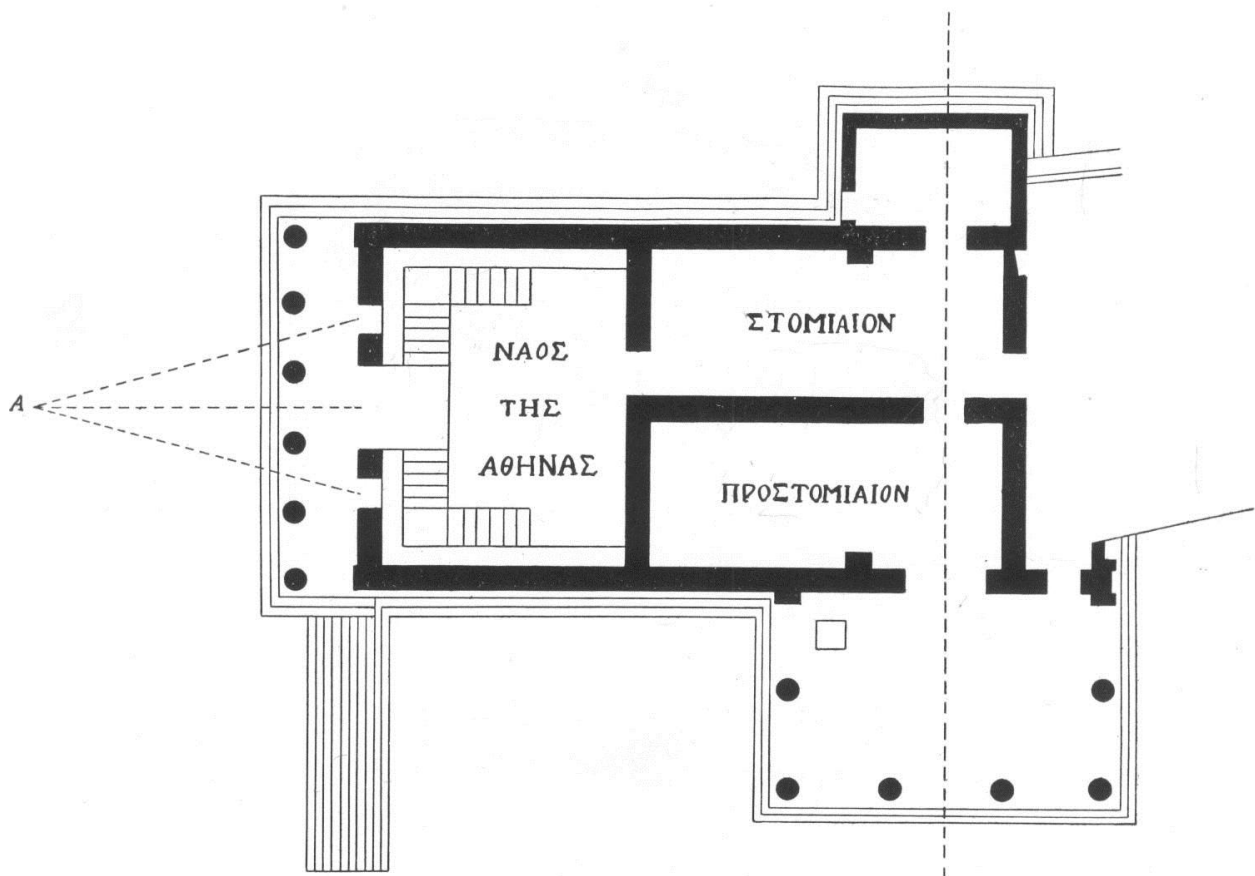
[back](#)

[back](#)

[back](#)

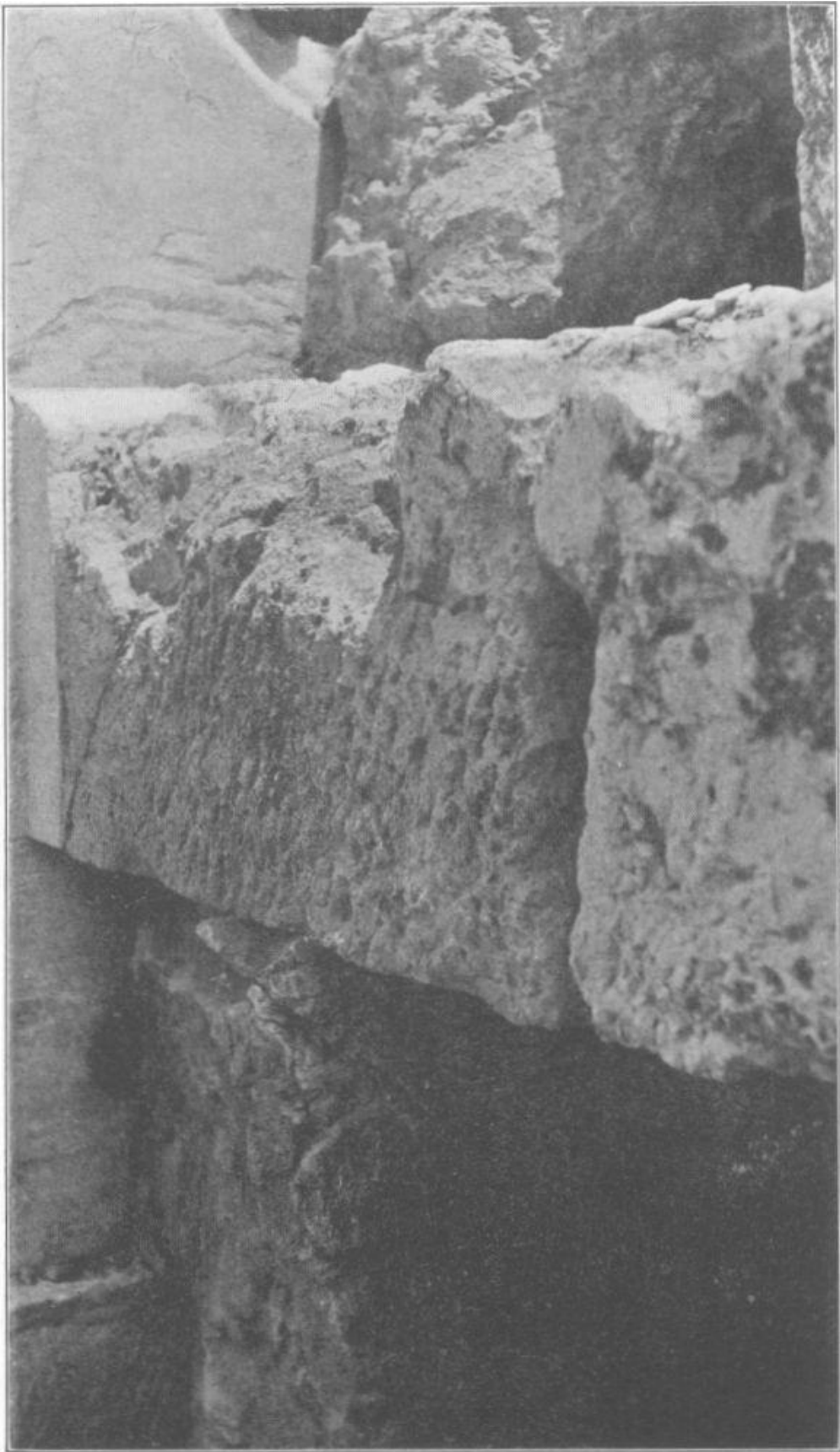
[back](#)

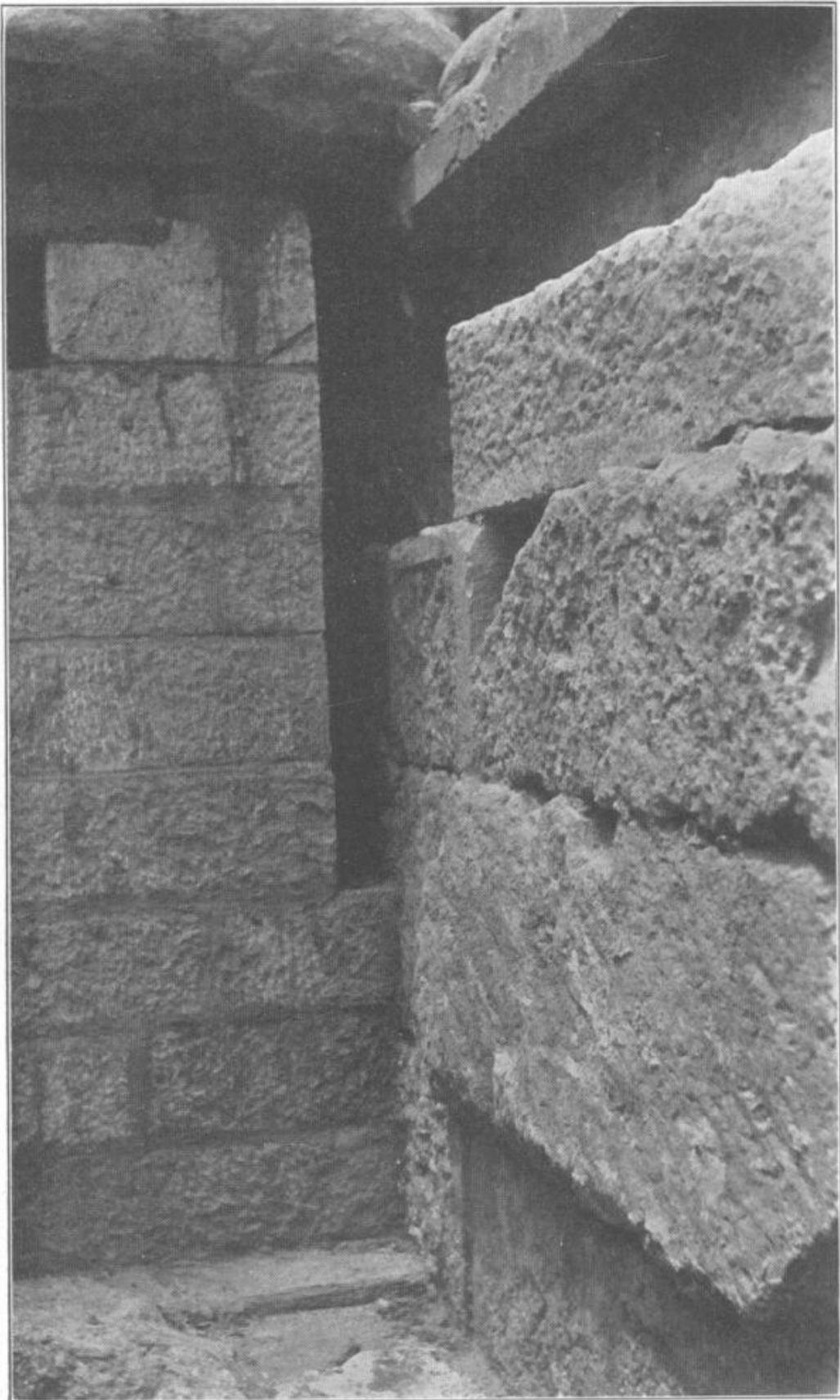
[back](#)

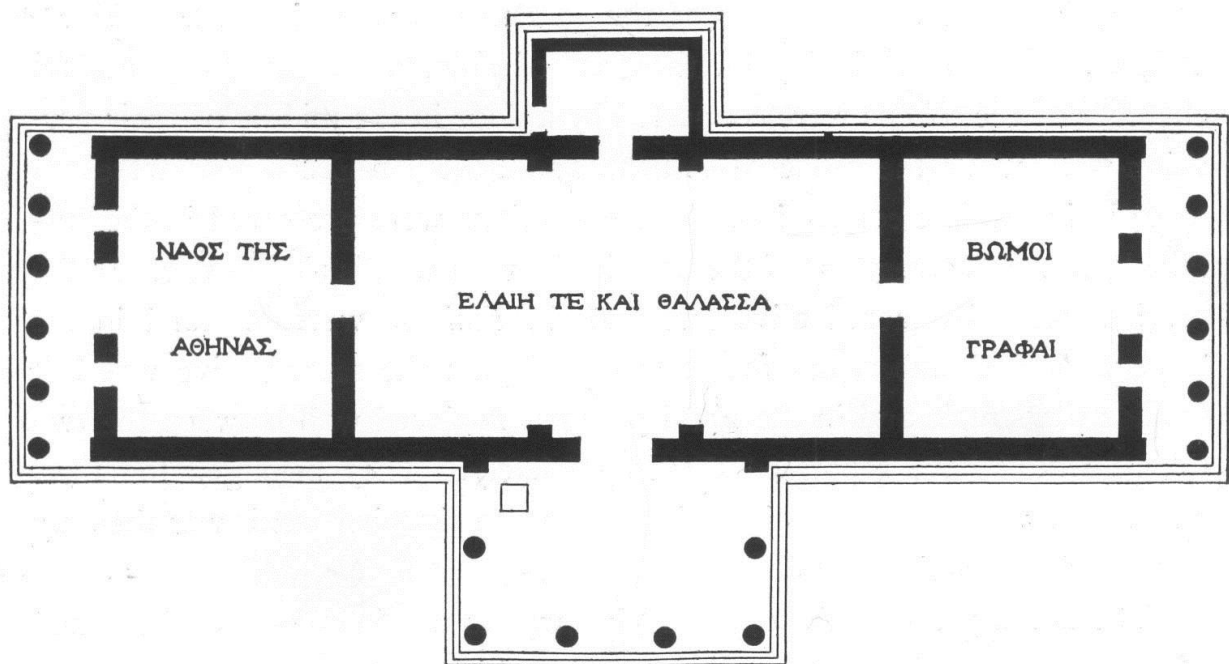
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)